

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гала Мрок

ПОЛНОЧЬ

Финал

МОД-1

Гала Мрок

ПОЛНОЧЬ

«Автор»

2026

Мрок Г.

Полночь / Г. Мрок — «Автор», 2026 — (МОД-1)

В мире, где власть берут силой, а слабых съедают, Кейт больше не добыча. Ей приходится выбирать сохранить себя прежнюю или принять то, во что она превращается. Финальная часть серии.

© Мрок Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гала Мрок

Полночь

Глава 1

Фредерик Вайс медленно подносит палец к холодному металлу кодового замка. Поверхность сенсора едва уловимо мерцает, готовая к считыванию. Он прикладывает подушечку большого пальца – сканер мгновенно реагирует, сканирует узор и издает короткий, резкий писк. Дергает на себя дверь, и та подается, чуть скрипнув петлями.

Фред входит внутрь стеклянного бокса, и воздух вокруг становится тяжелее. Сандра стоит к нему спиной. Её плечи едва заметно вздрагивают – ритмично, почти незаметно, но он замечает это. Она пытается скрыть волнение, но тело выдаёт её.

Фредерик делает шаг вперёд, и она оборачивается.

– Пришёл, – произносит Сандра тихо. Голос дрожит, хотя она старается говорить ровно.

Её глаза бегают по сторонам, избегая его взгляда. В них читается смесь страха, вины и отчаяния. Руки согнуты в локтях, пальцы беспрестанно двигаются, переплетаются, расплетаются будто пытаются решить какую-то сложную головоломку.

Позади неё возвышается большая белая капсула. Сквозь прозрачный стеклянный экран виднеется лицо девушки: бледное, застывшее, с закрытыми глазами.

– Что это? – холодным, режущим тоном спрашивает Фред, делая шаг ближе к капсуле. Каждое его движение, как лезвие, рассекает натянутую тишину.

Сандра медлит. Затем тянется к нему, пытаясь взять под руку, но он резко отталкивает ее.

– Не смей прикасаться ко мне, – бросает он, сверкая взглядом. – Я не даю второго шанса. Ты прекрасно знаешь об этом. И, думаю, понимаешь, зачем я пришёл. Не стоило трогать то, что принадлежит мне.

Сандра Брейд быстрым движением проводит рукой по своей шее.

– Фред, пожалуйста, выслушай меня, – она берёт бутылку с водой, трясёт её в руке. – Дай мне несколько минут, и, возможно, то, что я расскажу, обратит твой гнев в милость...

Фредерик медленно качает головой, не сводя с неё пристального, хищного взгляда – взгляда, который ломает волю, заставляет подчиняться.

– Сандра Брейд, – его голос звучит низко и ровно, – тебя ничто не спасёт. Но высказаться я, пожалуй, тебе позволю.

Фред резким движением отодвигает рукав пиджака и смотрит на часы:

– У тебя пять минут. Время пошло.

Она облизывает пересохшие губы, нервно улыбается, но глаза и тарабанившее в груди сердце выдают: она на грани эмоционального срыва.

– Спасибо, – произносит она, едва шевеля губами. Затем, собрав остатки воли, продолжает твёрже: – Не буду терять время. Там, – её подрагивающий палец указывает на капсулу, – наша с тобой дочь.

Фред хмурит черные брови, смиряет Сандру тяжёлым скептическим взглядом. В глубине его глаз читается усталость – усталость от бесконечных игр, в которые она так часто его втягивала. Он видит, как она нервничает, как пытается найти слова, и это только усиливает его раздражение.

– Галлюцинации? Всё ясно, – его голос звучит холодно и отстраненно. – Опять за старое. Бывших наркоманов не бывает, – он небрежно отмахивается рукой, словно отметаая все её слова и оправдания. – Плевать. Открой эту чертову штуку, – резко кивает на бокс, не скрывая презрения.

Сандра вздрагивает, перекладывает бутылку с водой в левую руку и нервно вытирает вспотевшую ладонь о белый халат. Ее пальцы дрожат, когда она берется за край крышки и дёргает её вверх.

В тот же миг Фреду в нос ударяет резкий, тошнотворный запах разложения, который невозможно спутать ни с чем. Он делает шаг вперед и замирает. Перед его взором предстаёт ужасающее зрелище: живой труп девушки.

Её кожа серо-синего оттенка, губы почернели, вокруг них запеклась кровь. Глаза полузакрыты, веки едва подрагивают. Во рту торчит дыхательный аппарат, а по всему телу разбросаны датчики и катетеры – они прокачивают через плоть и органы жидкости жизнедеятельности и препараты, поддерживая в ней подобие жизни.

И вдруг он замечает: черты лица девушки до боли знакомы. Они почти идентичны лицу его дочери Кейт. На мгновение сердце Фредерика замирает, кровь стынет в жилах, а в голове вспыхивает мысль: «Это Кейт!»

Но уже в следующее мгновение берёт себя в руки. Он знает: Кейт далеко отсюда, в безопасности. Это не она.

– И? – переводит холодный взгляд на Сандру. – Ради *этого* ты пожертвовала всем? Ты решила, что из-за *этого* я закрою глаза на то, что ты посмела посягнуть на жизнь моей дочери?

Фредерик брезгливо морщится, окидывая взглядом синюшное тело.

Сандра хватает его за руку, заглядывает в лицо. Её глаза мечутся. Вся прежняя спесь улетучилась. Сейчас она – как нашкодивший котенок, загнанный в угол.

– Это Эшли. Фред, *она наша дочь!* – трясет его руку. – Прости меня. Я все эти годы скрывала её от тебя. Боялась, что ты...

Он резко прислоняет указательный палец к её губам. Она тут же замолкает.

Фред смотрит на нее чуть прищурившись. В его взгляде не только ярость. В нем – горькое разочарование.

– Всегда считал тебя умной женщиной. Даже после того, как ты одним решением уничтожила мир, я пытался оправдать тебя тем, что не ошибается тот, кто ничего не делает, – устало качает головой. – Но теперь, видя причину, ради чего мы отняли столько жизней...

Он шумно выдыхает. Челюсти сжимаются.

– А ведь нужно было просто сказать мне об этом, – кивает в сторону Эшли. – Я бы убрал этого бастарда ещё в твоём чреве, и тогда всего этого бы не произошло.

Сандра подаётся вперед, словно пытаясь преодолеть невидимую пропасть между ними.

– Не говори так! В ней твоя кровь!

– Закрой свой поганый рот! – голос Фреда срывается на последних словах, но в нём нет ни капли истерики – лишь ледяная ярость, от которой по спине пробегает неприятный озноб. Его глаза сужаются, в них вспыхивает опасный огонёк, а скулы напрягаются, выдавая сдерживаемую злость.

Он делает глубокий вдох. Голос звучит жёстко, резко, с металлическим привкусом презрения:

– Не представляю, как тебе удалось зачать её. Я всегда, *всегда* следил за тем, чтобы мое семя не попадало в шлюх. Каждый раз проверял, контролировал ситуацию. Но ты... каким-то образом перехитрила меня.

Фред делает шаг вперед, сокращая расстояние между ними. Его фигура кажется еще более внушительной. Он смотрит на Сандру сверху вниз.

– Даже не буду спрашивать, для каких целей ты это сделала, – продолжает он, и его голос становится тише, но от этого еще опаснее. – Они мне и так ясны. Ты всё спланировала заранее. Использовала меня в своих играх. И теперь, вероятно, думаешь, что это даёт тебе какую-то власть? – он усмехается. – Глупейший ход.

Она протягивает трясущейся рукой бутылку.

– Фредерик, остынь, прошу. Выпей воды, подумай... Ещё всё можно изменить.

Фред приподнимает бровь. Уголок губы едва заметно приподнимается в ухмылке. Он забирает бутылку.

В тот же миг Сандра бросается к Эшли. Дрожащими пальцами достаёт оставшийся пузырёк с кровью Кейт. Наспех набирает шприц, вводит содержимое через катетер.

– Вот, смотри! Она ведь жива! – в её голосе – отчаянная надежда, будто это способно все изменить.

Фредерик неспеша откручивает крышку. Его взгляд не отрывается от дёрганых движений Сандры. Он холодно наблюдает.

Веки живого трупа задрожали. Зубы с хрустом сомкнулись на трубке во рту. Волна судороги прокатилась по мертвенно-серому телу – и глаза распахнулись.

Мёртвый, безжизненный взгляд мутных зелёных глаз уставился на Фредерика Вайса.

Он сморщил лицо. Запах гнили, кажется, стал ещё острее.

Тварь задержалась, пытаясь вырваться из оков.

Хрип. Рык. Ни тени разума – только агрессия, только инстинкт убивать, только голод.

Сандра оборачивается к Фреду. В её глазах – безумство, переплетенное с отчаянием.

– Теперь ты видишь? Теперь веришь мне?

Фред медленно подносит горлышко бутылки к носу и глубоко вдыхает. Ноздри расширились, уловив едва заметный, но безошибочный запах дурмана. И в тот же миг он срывается с места. Хватает Сандру за горло, впечатывает спиной в край капсулы. Стекло задрожало, зазвенело, отозвавшись на удар.

Тварь, что когда-то была Эшли, оживляется еще сильнее. Зубы щелкают, глаза горят мертвым огнем. Она чует живую плоть. Она хочет её.

– Сука, – выдыхает Фред прямо в лицо Сандре, ледяным шепотом. – Думала, я не учую порошок? Снова решила меня одурачить?

Её глаза расширяются. Она пытается что-то сказать, но хватка Фреда не даёт ни вдохнуть, ни произнести слово.

Фред растягивает губы в злое улыбке. Пальцы перемещаются с горла на скулы, давят с силой, заставляя рот Сандры приоткрыться.

– Попей напоследок! – бросает он и льет воду прямо в её рот.

Она пытается вырваться, но хватка железная. Нет ни шанса.

Приходится глотать. Вода стекает по подбородку, по груди, попадает в нос. Сандра закашливается, задыхается, но он не ослабляет давления.

Фредерик перехватывает её за волосы на затылке, резко приподнимает голову, заглядывает в глаза.

– Ну как, освежилась? – спрашивает ласково, но в этом тоне – лёд и яд.

Ее карие глаза полны дикого ужаса. Сердце колотится так, что, кажется, готово пробить ребра. Она не может вымолвить ни слова – только хрипы и судорожные вдохи.

Вайс подтягивает её к капсуле. С хрустом выдергивает трубку изо рта твари. Наклоняется к уху Сандры и тихо шепчет:

– Поцелуй за меня доченьку.

И толкает её голову внутрь капсулы.

Эшли с хрустом впивается в её лицо. Сандра кричит нечеловеческим, животным криком, от которого кровь стынет в жилах. Зубы скрежещут по кости, рвут плоть.

– О-о-о, как я мог забыть про обнимашки, – хмыкает Фред, расстегивая ремни, удерживающие руки твари. – Обнимитесь же крепче!

Зомби моментально хватается за Сандру. Притягивает к себе с нечеловеческой силой. Чавкая, хрустя, она вгрызается в кричащую женщину, как голодный зверь, дорвавшийся до добычи.

Фред вздергивает подбородок, скрещивает руки на груди и с нескрываемым наслаждением наблюдает за учиненной им расправой.

– Так-то лучше.

В его взгляде не просто удовлетворение, а холодная, расчётливая радость человека, который наконец-то довел до конца давно задуманный план.

Затем он отодвигает рукав, смотрит на часы и произносит едва слышно:

– Пора.

Возвращает взгляд на кровавую сцену в капсуле:

– Приятного аппетита.

Выходя из «аквариума», он плотно притягивает дверь. Дождается характерного щелчка замка, дёргает ручку – перепроверяет наверняка. Кивает сам себе, подтверждая: всё идёт по плану. Разворачивается и уверенно движется по коридору минус пятого этажа.

Его чуткий слух тут же улавливает нарастающий гул, пробивающийся сквозь глухие стены. Отдалённый звук вертолетов.

Фред ускоряет шаг. Мимо мелькают боксы с мутантами – стеклянные клетки, в которых копошатся, скребутся, рычаг создания, рожденные в результате безумных экспериментов. Они бросаются на стенки, царапают стекло, но он не обращает на них внимания.

В голове четкая последовательность действий.

Ни тени сомнения. Ни капли раскаяния.

– Где же ты... – шепчет Фред, двигаясь по коридору.

Он всматривается в каждый бокс, сканирует взглядом силуэты за стеклом.

В каждом отсеке – создание страшнее предыдущего. Это уже не просто инфицированные зомби. Это плоды больной фантазии человека, возмнившего себя творцом. Вот что бывает, когда власть попадает не в те руки: когда амбиции перевешивают мораль, а жажда экспериментов стирает все грани.

Он видит изуродованные тела: выдвинутые челюсти с множеством острых клыков, скрюченные спины, помеси людей с животными и пресмыкающимися. Некоторые напоминают рептилий, другие – хищных кошек, третьи – нечто среднее между крокодилом и человеком. Это лишь малая часть экспериментов, воплощенных в плоть и кровь.

Многие из этих существ уже выпущены на волю. Рассеяны по миру, как семена хаоса. Но есть и те, кто до сих пор томятся на нижних этажах. Если они вырвутся, то шансы людей на выживание сойдут к нулю.

– Вот ты где, – Фред останавливается около металлического вольера.

Быстро открывает дверь. В нос ударяет резкий запах соломы и псины.

Он входит внутрь. В полумраке вольера его встречает полный преданности взгляд янтарных глаз.

– Привет, девочка, – с нежностью произносит он.

Творение огромных размеров поднимается. Мутант, напоминающий немецкую овчарку, но раза в два превышающую стандартные габариты, виляет хвостом и радостно поскуливает.

Смесь звериной силы и щенячьей радости.

Шерсть в некоторых местах отсутствует, обнажая черную блестящую кожу. Длинная морда, наполненная клыками внушительных размеров. Когти на лапах, словно у росомахи.

Собака утыкается головой в район паха Фредерика.

– И я рад тебя видеть, – он ласково треплет ее за загривок. – Планы изменились, Альфа.

Мутант задирает голову, устремляет взгляд в лицо Фреду. В её глазах не животный инстинкт. Там читается разум, мудрость, интеллект, несвойственный остальным тварям этого места. Фред медленно скользит рукой по её широкому лбу. Он переводит взгляд в дальний угол вольера

– Чего спрятались? – его голос звучит с улыбкой. – Сколько вас?

В тени сбились в кучку щенки. Их смысленные мордашки внимательно следят за ним. Уши насторожены, головы наклоняются то влево, то вправо – будто пытаются уловить смысл его слов.

Фредерик сжимает губы в тонкую линию. В глазах – тень разочарования.

– Осталось всего четверо, – тихо проговаривает он.

Альфа поворачивается к своему потомству, издаёт тихий, короткий рык. Щенки тут же встают на толстые лапы и, словно пушистые колобки, подбегают к ногам Вайса.

Он улыбается. Наклоняется, гладит каждого. Они лижут его руки, подпрыгивают, пытаются дотянуться языком до лица.

– Ну всё, хватит, – Фред обхватывает голову собаки руками, заглядывает ей прямо в глаза. – Ты должна бежать отсюда. Спасайся, Альфа. Дай шанс новой жизни.

Мутант облизывает языком свои брыли. Чуть поскуливает, внимательно слушая голос хозяина.

– Пойдём, – бросает он коротко.

Выходит из вольера и уверенным шагом направляется к чёрному выходу.

Подобие собаки, отряхнувшись, идёт следом за ним с явной готовностью рвануть вперёд по первому приказу.

Выводок семенит лапками, стараясь не отставать от матери.

Альфа, поравнявшись со своим создателем, вздергивает мордой его руку.

Фред, не сбавляя шага, чешет ее за ушами.

Остановившись возле выхода, он замирает.

Прислушивается.

Слышит, как вертолеты совершают посадку. Громкий звук лопастей постепенно стихает – и это знак: времени осталось совсем немного. Каждая секунда теперь весит больше, чем прежде.

Фредерик толкает дверь, осторожно выглядывает, осматривается.

Длинный коридор пуст. В конце – открытая дверь.

Чтобы она не захлопнулась, Фред подпер её телом охранника, который встал у него на пути.

Он достает из кармана платок, измазанный в крови. Тот самый, которым вытирал лицо Кейт. Подносит к носу мутанта, слегка прижимая к широким ноздрям.

– Если сможешь, возьми след и иди по нему. Она точно найдет место для вас в своем большом сердце, – Фред улыбается.

Затем хлопает мутанта по крупу и громко выкрикивает:

– Беги, Альфа! Пошла!

Овчарка добегает до середины коридора, оборачивается. Кончик хвоста виляет. Она поскуливает, прижимает стоячие уши к голове. Янтарные глаза задерживаются на лице хозяина.

– Вперёд, Альфа! Вперёд! Ты свободна, ну же... – Фред взмахивает рукой.

Мутант ещё секунду стоит, словно взвешивая: уйти или остаться. Затем срывается с места. Коротко рычит, призывая выводок следовать за ней. Щенки, едва успевая, семенят следом, маленькие тени, бегущие в неизвестность.

– Так-то лучше, – тихо произносит Фред.

Опускает взгляд на свои туфли. Щенки истоптали их лапами, оставили пятна слюны и пыли.

Фредерик медленно вытягивает ткань из кармана, наклоняется и механическими движениями стирает грязь. Это его ритуал.

Выпрямившись, он оглядывается по сторонам в поисках мусорного ведра. Не найдя, слегка пожимает плечами и бросает тряпку на пол. Одергивает пиджак. Разминает шею, покрутив головой: влево-вправо, вверх-вниз.

Выйдя в коридор, он слышит: Соул Брейд с делегацией грузятся в лифт. Двери закрываются, кабина начинает движение вверх.

Фред не ждёт. Он бросается к лестнице и бежит – с минус пятого этажа на первый. Мышцы работают чётко, дыхание ровное.

Когда он выходит в холл, пространство оказывается совершенно пустым. Он стоит, оглядывается, оценивает. Всё идёт по плану.

Фред выходит на улицу. Глубоко вдыхает, и тут же чувствует, как в ноздри врываются тяжелые запахи: бензин, гарь, пот, гниль. Тошнота подкатывает к горлу, но он подавляет ее мгновенно.

На площадке стоят два вертолета. Фред щурится, всматривается в тонированные стёкла. В одном из них замечает едва уловимое движение.

– Попался, – шепчет он себе и твёрдо шагает в сторону машины.

Он забирается внутрь. Пилот вздрагивает, округляет глаза. Прокашливается, пытается собрать мысли в кучу:

– Мистер Вайс? Что вы тут...

Фред не дает ему закончить. Весомо хлопает по плечу. Голос звучит спокойно:

– Взлетаем, дорогой, – он бросает короткий взгляд на здание корпорации. – И как можно скорее.

Пилот замирает, не моргая:

– Но мне было приказано...

– Я отменяю всё, что тебе было приказано! – Фред надевает наушники. – Летим. Или ты хочешь пораскинуть своими внутренними органами?

– Нет, сэр... То есть да, сэр... Чёрт! – Пилот судорожно щелкает переключателями. – Есть от винтов!

Он нажимает пусковую кнопку двигателя. Короткий щелчок, и механизм оживает. Дергает рычаг. Двигатель набирает обороты, гул нарастает, заполняя кабину вибрацией. Лопасты режут воздух – сначала медленно, затем всё быстрее, превращаясь в размытый круг.

Фредерик крутит указательным пальцем, подгоняя пилота:

– Давай, поднимайся.

Наконец вертолет отрывается от земли. Лёгкий рывок – и опора исчезает.

– Как тебя зовут? – Фред обращается к пилоту.

– Лэйс, – коротко отвечает тот, пальцы крепко сжимают штурвал.

Фред смотрит на часы на запястье. Сдвигает брови, пересчитывая секунды в уме.

– Что ж, Лэйс, у тебя двадцать секунд, чтобы унести наши задницы отсюда как можно дальше, – переводит взгляд на мужчину. – Иначе нам знатно подпалит пёрышки.

Пилот заметно сглатывает. Кивает, устремив взгляд вперед. Его руки не дрожат, но Фред видит, как напряжены вены на запястьях.

Вайс тем временем смотрит вниз. Еще три вертолета стоят позади корпорации, чуть поодаль. Толпа разномастных людей суетится у вагончиков – разгрузка идёт полным ходом.

Один вертолёт припаркован на крыше.

Фред отсчитывает вслух:

– Три. Два. Один.

Он оборачивается назад – и в тот же миг взрыв разрывает воздух.

Громоподобный раскат прокатывается по пространству, сотрясая всё вокруг. Ударная волна настигает вертолёт. Машина дергается, кренится, но пилот успевает выровнять её.

– Твою мать... – шипит Лэйс, пальцы судорожно сжимают штурвал. Ему удаётся удержать технику, не дать им рухнуть вниз.

Огонь взлетает вверх, раскидывая во все стороны куски асфальта, бетона и грязи. Чёрный, густой дым, рвётся в небо, образуя зловещий гриб.

Фредерик не отрывает взгляда от окна.

– Держи курс, – бросает Фред, не оборачиваясь. – Не вздумай сбавлять скорость.

Лэйс кивает, не произнося ни слова.

Фредерик вытягивает руки, щелкает пальцами. На лице довольная ухмылка.

– Эх, сейчас бы перекусить, – тянет он, голос звучит расслабленно. – Ты как, Лэйс? Голоден?

Пилот нервно покусывает нижнюю губу. В его взгляде усталость, проступающая сквозь напряжение.

– Да, сэр. Нас не кормили три дня, – признаётся он. В животе парня раздаётся громкое урчание, и он слегка краснеет. – И глаз не давали сомкнуть. Соул очень спешил сюда...

Фред удобнее устраивается в кресле.

– Отлично. Летим ко мне. Я накормлю тебя лучшим ужином в твоей жизни, – он хлопает Лэйса по плечу. – Фартовый ты парень, Лэйс.

– Верно, сэр, – отвечает пилот, криво улыбаясь. В этой улыбке облегчение, и тень сомнения, будто он всё ещё ждёт подвоха.

Фред откидывается на спинку кресла, взгляд устремлён в бескрайнее небо.

В голове четкий план. Еда, отдых, затем – новые задачи.

Глава 2

Мельком перевожу взгляд на лобовое стекло – и то, что я вижу заставляет кричать что есть мочи:

– *Осторожней! Ма-а-кс тормози!*

Макс реагирует мгновенно. Его руки впиваются в руль, пальцы сжимаются так, что вены проступают сквозь кожу. Я вцепляюсь в край сиденья – ногти царапают обивку.

Машина начинает вилять. Колёса скользят по грязи, теряют сцепление, и нас кидает из стороны в сторону.

Препятствие на дороге растёт, приближается с пугающей скоростью.

– Дьявол! – рычит Макс.

Он выкручивает руль – мышцы напряжены до предела, лицо искажено от усилий. В его движениях – не паника, а холодная сосредоточенность.

– Выкручивай, Макс! Выкручивай! – выкрикиваю я, упираясь ногами в невидимую педаль тормоза. Мои пальцы до боли вжимаются в сиденье.

Мы наезжаем на чьё-то тело. Хруст черепа раздаётся в салоне. Резкий, тошнотворный звук, от которого сжимается всё внутри.

Машина подпрыгивает, резко останавливается. Нас дергает вперёд – и тут же откидывает назад. Я бьюсь затылком о подголовник, в голове вспыхивает острая боль.

– Черт, – хватаюсь за многострадальную голову.

Макс шумно выдыхает. Его взгляд находит мой, в глазах читается лёгкий испуг.

– Ты как? – спрашивает он.

– Подумала, что снова встречу с мамой, – отвечаю, растирая затылок. – И затылком приложилась.

Макс поджимает губы:

– Извини.

– Перестань. Я сама тебя отвлекла. Главное – живы.

Он открывает дверь:

– Пойду посмотрю, что там.

– Я с тобой, – отвечаю, шелкая дверной ручкой.

Выходим.

Воздух обрушивается на нас – сначала приятный, хвойный запах леса. Но тут же врывается другая вонь осточертевшая, едкая: разложение и кровь. Смесь, от которой желудок сжимается в спазме.

Делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание, затем медленно выпускаю воздух. Желудок пуст, поэтому приступ тошноты удаётся подавить – лишь лёгкая волна головокружения прокатывается по телу и исчезает.

Оглядываюсь. Сосны стоят молчаливыми стражами, их ветви цепляются за небо. Земля покрыта мхом и опавшей хвоей, но кое-где видны темные пятна – следы того, что произошло.

Макс осторожно шагает вперёд. Я следую за ним, стараясь не отставать. Земля хлопает под ногами, ветки цепляются за одежду.

Наша машина остановилась буквально в паре метров от того, что я сейчас перед собой вижу. Пикап, на котором увезли Сэма, стоит поперёк дороги. Его бока изрешечены пулями – дыры зияют, как раны. Стекла побиты; осколки, поблескивая, рассыпались по мху и грязи.

Рядом – второй внедорожник. Нос уткнулся в пикап. Тоже изрешечен.

В окне водителя – жуткая картина: голова свисает, половина черепа отсутствует. Лохмотья кожи и мышц тянутся вниз. Сама кость черепа валяется неподалеку.

Чуть поодаль – еще два трупа в чёрной форме. Кто-то до костей обглодал их лица. Животы вспороты, кишки растянуты на несколько метров. Лужи крови почернели, заветрелись, смешались с грязью, образовав густую, мерзкую корку.

Сердце стучит в ушах. Я кручу головой, взгляд мечется по сцене, выискивая Сэма.

В мыслях пульсирует надежда: *среди этого ужаса я не увижу его труп.*

Вспоминаю, что его грузили в багажник. Дергаюсь в сторону пикапа. Ботинки скользят по месиву под ногами: кровь, грязь, обрывки плоти и чего-то не поддающегося осмыслению.

Хватаюсь руками за край багажника – пальцы скользят по металлу, но я чудом удерживаюсь, не падаю в это зловонное нечто.

Заглядываю внутрь. Секунда и с облегчением выдыхаю:

– Пусто.

Макс обходит меня со спины. Он не торопится, двигается медленно, внимательно смотрит под ноги.

Тишина давит. Не выдерживаю:

– Макс, что нам теперь делать? Сэма нет... Его успели увезти вояки отца? Или... – я замолкаю, не в силах произнести то, что крутится на языке.

Макс поднимает взгляд, встречается со мной глазами. Пожимает плечами:

– Что ты в нём нашла... От него одни проблемы.

Резкая вспышка гнева пронзает грудь. Сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Смотрю на Макса – и вдруг осознаю: злость направлена не на него, а куда-то вглубь меня. *Я злюсь сама на себя.*

Ведь отчасти он прав... Если бы я не впустила в свою жизнь Сэма, всё сложилось бы иначе.

Спокойнее. Предсказуемее. Без постоянного страха за его жизнь.

Мысли крутятся, как листья на ветру. Что, если всё, что было между нами, – всего лишь вспышка страсти? Гормоны, химия, иллюзия любви? Попытка травмированной психики найти убежище от бесконечных душевных терзаний – спрятаться за чьим-то плечом, поверить, что кто-то защитит? А в итоге...

Я качаю головой, будто отгоняя эти мысли. Голос звучит еле слышно, слова царапают горло:

– Сама не знаю, Макс.

Слова – горькие на вкус, будто я проглотила пепел. От них тошнит, противно до дрожи. Я закрываю глаза на мгновение, делаю глубокий вдох. Воздух холодный, но внутри всё горит.

Друг молчит. В его взгляде – не упрёк, а что-то похожее на сочувствие. Он не пытается утешить, не говорит банальных фраз.

Макс смотрит на меня несколько долгих секунд – так, будто взвешивает каждое слово, каждую мысль. Затем щёлкает пальцами и подзывает меня рукой.

– Вот, смотри, – он указывает на следы от протекторов.

Они глубокие, четкие. Машина явно буксовала здесь, пыталась развернуться на неровной земле.

– Пикап остановился тут, – говорит Макс, наклоняясь, изучая отпечаток колеса. – Судя по его положению, они разворачивались, чтобы вернуться в корпорацию.

Он оборачивается в сторону леса и добавляет:

– Следовательно, ходячая проблема находится где-то там.

Макс подходит к толстому, могучему стволу старого дерева. Я иду за ним след в след, прячась за его широкой спиной. Он медленно, внимательно проводит пальцами по шершавой коре. На коже остается темная полоса: кровь, уже начавшая сворачиваться. Макс растирает ее между пальцами, изучает текстуру, цвет, запах.

Слежу за ним, замороженная. Моё внимание приковано к его лицу – серьезному, сосредоточенному, к его рукам – сильным, уверенным, к движениям – точным, выверенным, будто он не просто изучает следы, а читает знакомую только ему книгу, написанную природой.

Внутри меня что-то просыпается. Бабочка, заблудившаяся в лабиринте души, снова начинает искать выход. Она неуверенно расправляет крылья...

– Может, возьмешь след? – голос Макса вырывает меня из гипноза.

Я вздрагиваю, будто меня поймали за чем-то запретным. Перед моим носом – окровавленные пальцы и довольная улыбка.

– Что? – хмурюсь и проглатываю странное наваждение.

Макс приподнимает одну бровь, в глазах – искорки насмешки:

– Всё в порядке? Ты так смотришь, будто хочешь откусить от меня кусочек...

Он показушно подрагивает всем телом, изображая ужас, и я не могу сдержать усмешки.

– Успокойся, – ухмыляюсь уголком рта и беру себя в руки. – Ты грязный и потный, я такое не ем.

Глубокий, басистый смешок вырывается из него.

– А я уже ненароком стал думать, какой частью своего тела готов с тобой поделиться.

Закатываю глаза и демонстративно цокаю языком:

– Так что ты вначале сказал?

Макс снова тычет свои пальцы мне под нос. Его черные глаза горят, губы растягиваются в широкой улыбке.

– Я говорю, может, след возьмёшь?

– Ты дурак? – отталкиваю его ладонь. Разворачиваюсь и иду к машине, чувствуя, как напряжение последних минут понемногу отпускает.

Слышу чавкающие по мокрому мху шаги Макса позади себя. Открываю дверь машины и наклоняюсь в салон за автоматом – пальцы нащупывают холодный металл, хватаются за рукоять.

Он тем временем останавливается сзади и говорит с лёгкой насмешкой:

– По мне, так неплохая идея. Ведь у тебя сейчас нюх как у волка.

Вылезаю из салона, поворачиваюсь к нему. Протягиваю оружие. Макс забирает его, проверяет затвор, проводит пальцем по стволу. Я прищуриваюсь, смотрю на него в упор:

– Ты предлагаешь мне встать на четвереньки и искать след Сэма?

Макс, потупив глаза, продолжает проверять автомат – щелкает предохранителем, перекидывает его в другую руку.

– Вставать на четвереньки не обязательно, – отвечает он, – но я бы на это посмотрел.

Замечаю, как уголки его губ подрагивают, он еле сдерживает улыбку. Толкаю его кулаком в грудь, несильно, но ощутимо:

– Хватит надо мной издеваться, – достаю пистолет из кармана, щёлкаю предохранителем.

Улыбка сходит с его лица. Он смотрит на меня.

– Серьёзно, Кейт, – говорит спокойным тоном. – Ну давай попробуем. – Подмигивает и добавляет: – Я никому об этом не расскажу, честно.

Пару секунд стою, еле сдерживаюсь, чтобы не стукнуть его по лбу. Внутри борется раздражение и легкость, которую он каким-то образом умудряется пробудить даже в такой ситуации.

– А давай, – наконец соглашаюсь я. – Только никому.

- Я могила, – он застегивает рот на воображаемый замок, а в глазах пляшут смешинки.
- Что смотришь? Давай сюда свои грязные пальцы, – беру его ладонь и подношу к носу,

вглядываясь в глаза Макса.

Макс не сводит с меня взгляда. Он даже перестал дышать – я вижу, как на мгновение замирает движение его груди. Втягиваю ноздрями запах крови: металлический, резкий, с неприятной ноткой тухлого мяса.

- Ну что? – Макс подаётся вперёд.

Пожимаю плечом, не выпуская его руку:

- Ничего. Просто металлический запах крови, которая уже начала гнить.

- Жаль, – выдыхает он и продолжает: – Может, лизнешь?

- Макс, иди в жопу! – резко бросаю его руку.

Разворачиваюсь так резко, что хвост моих волос хлещет его по лицу.

Макс шипит позади:

- Больно же.

– Прости, что мало, – бросаю через плечо, доставая бутылку с водой. – Хотела кулаком, но стало тебя жалко.

На секунду наши взгляды встречаются – и я вижу, что он еле сдерживает смех. Уголок его рта дергается, а в глазах знакомый огонёк. Я тоже едва удерживаюсь от улыбки, но сохраняю серьёзное выражение лица.

– Ладно, – говорю твёрже. – Хватит шуток. Что там по графику? В ближайшее время мне не нужно ничего колоть?

Делаю пару глотков воды. Макс протягивает руку, и я отдаю ему оставшуюся воду.

– Если твой организм не будет чудить, то, следуя инструкции, следующие процедуры примерно через три-четыре часа, – он допивает воду, сжимает бутылку и закидывает её в салон машины.

Вопросительно смотрю на него, приподнимая бровь. Макс тут же отвечает, поймав мой взгляд:

- Я же не свинья, – утирает подбородок ладонью. – Природу загрязнять *нельзя*.

Захлопываю дверь машины с лёгким хлопком. В этот момент чувствую, как под бинтами что-то свербит – зуд нарастает, становится почти невыносимым. Руки сами тянутся к шее, пальцы ищут край повязки.

– Как же чешется, – сквозь зубы цежу я, с трудом сдерживая желание сорвать ее и почесать кожу.

Макс замечает мое движение и аккуратно нажимает на мою руку, мягко, но уверенно отодвигая ее от горла:

- Вернемся и посмотрим, что там. Потерпи пока, хорошо?

Театрально вздыхаю:

- Потерплю. Мне не привыкать.

- Умничка, – кивает Макс и оглядывается по сторонам. – Идём.

Мы двигаемся вперёд, возвращаемся к тому дереву, на котором обнаружили следы крови. Макс присаживается, щупает руками мох, внимательно рассматривает что-то под ним, переворачивает ветки, изучает землю.

А я тем временем погружаюсь в мысли. *Найдём ли мы Сэмюэля живым?* Увозили его в плачевном состоянии, а с учётом того, что тут бродят голодные твари, шансы выжить в таком состоянии стремятся к нулю.

На мгновение закрываю глаза, прислушиваюсь к своим внутренним ощущениям – и вдруг осознаю: что-то изменилось.

Где-то постоянное чувство боли и тревоги за Сэма, которое раньше рвало меня на части, как фанатика? Нет, оно не исчезло совсем – я всё ещё переживаю за него, но это уже не та всепоглощающая агония, не та паника, от которой перехватывало дыхание.

Неужели меня изменил антидот? Стала ли я равнодушнее? Или просто обрела способность мыслить трезво? И что теперь будет с нами? С Сэмом? Со мной?

– Нам туда, – голос Макса возвращает меня в реальность. Он приподнимает тяжёлую хвойную ветвь, пропуская меня вперёд.

Глава 3

Цепляюсь штанами за колючий куст. Спотыкаюсь о бревно, скрытое под слоем опавшей хвои и мха. Лечу вперед, а потом падаю на четвереньки. Ладони врезаются в землю. Влажная, прохладная почва, мелкие камни и острые веточки впиваются в кожу.

Из-за куста с громким хлопанием крыльев вылетает птица. Она резко взмывает вверх, мелькая тёмным силуэтом среди ветвей, и исчезает в глубине леса.

– Всё-таки решила взять след? – голос Макса звучит совсем близко. Он мгновенно оказывается рядом – сильные руки подхватывают меня под локти, легко, будто я ничего не вешу, поднимают и ставят на ноги. Настолько быстро, что кажется он только и ждал момента, чтобы прийти на помощь.

Опускаю взгляд на свои руки: земля и мох прилипли к коже, на пальцах – несколько мелких царапин, из которых выступают крошечные капельки крови. Потом поднимаю глаза на Макса.

– Даже чудодейственная вакцина не изменила мою *кошачью ловкость*, – выдавливаю усмешку, стараясь не показать, как неприятно саднят ладони.

Макс фыркает. Заботливо отряхивает мои колени от прилипших мелких веток и хвои.

Рука Макса на мгновение задерживается на моей ноге.

– Ты как ребёнок, – произносит он негромко. – Ни на секунду нельзя выпустить тебя из поля зрения. Сразу находишь приключение на свой зад.

Он просовывает палец в дырку на моих штанах, слегка растягивает края, оценивая масштаб бедствия. Затем поднимает на меня глаза:

– Придётся идти с вентиляцией, – в уголках губ мелькает улыбка. – Или вернёмся, заштопаем?

Я держу зрительный контакт. От его взгляда становится так тепло и спокойно – будто весь мир на секунду замер, оставив только нас двоих посреди этого мрачного леса.

– Нет, – резко бросаю я, стараясь вернуть себе рассудок, отогнать наваждение, которое только что окутывало меня. – Пойдём дальше.

– Как скажешь, – он поднимается, отряхивает ладони.

А я быстро иду вперед, почти бегу – даже не понимая, куда нужно двигаться. Меня сбивают с толку мои внутренние ощущения. Я не пойму, что со мной происходит – будто кто-то перепрограммировал мои чувства, стёр все прежде привычные.

– Кейт? Нам туда, – Макс указывает совсем в другом направлении, куда я даже не смотрела.

Закатываю глаза и шумно выдыхаю через рот. Меняю направление, делаю несколько шагов в сторону, указанную Максом, и поравнявшись с ним, спрашиваю:

– Откуда ты знаешь, что нам туда?

Макс указывает рукой вперед:

– Следы. Видишь, тропинка вытоптана? – он делает шаг, наклоняется, проводит пальцем по земле. – И вот тут, смотри: отпечаток ботинка с характерным протектором. Такие носят охранники корпорации.

Вглядываюсь – и правда: узкая тропа, примятая трава, несколько четких следов. Как я могла их пропустить?

– Где ты этому научился? – пропускаю его вперед.

Макс раздвигает нависшие, тяжелые ветки – они с тихим треском расступаются перед ним. Я подныриваю под них, и в тот же миг ветки возвращаются на место, осыпая меня мелкими иголками. Запах хвои становится насыщеннее, почти одурманивающий.

– Расскажу в следующий раз, – бросает Макс через плечо, не оборачиваясь. Он осматривается, сканирует местность взглядом, – в более подходящей обстановке.

Пожимаю плечами, хотя он этого не видит. Сама не понимая зачем, задаю один из глупейших вопросов:

– Может, покричать? Позвать его?

Макс смотрит вперед, медленно качает головой – я отчётливо вижу, как дергается его кадык. Его пальцы сжимают автомат. Он берет оружие наизготовку, взгляд становится жестким.

Я поворачиваюсь в ту сторону, куда устремлен его взор, и тут же выхватываю пистолет из кобуры. Адреналин ударяет в голову, и я срываюсь вперед.

– Стой! – кричит он мне вслед.

Но я уже пробежала с десятков метров и теперь стою как вкопанная – но не из-за его слов. Меня остановило то, что передо мной.

На небольшой лесной поляне раскиданы с десятков мёртвых тварей. Их тела лежат в неестественных позах, а черепа расколоты, как грецкие орехи – будто кто-то с чудовищной силой ударил их чем-то тяжёлым.

Посредине, к дереву, привязан Сэм. Руки за спиной, он сидит на земле, ноги вытянуты вперед, голова опущена на грудь.

Я замираю и прислушиваюсь.

Улавливаю его сердцебиение. Слабое, но ровное.

Но не трупы инфицированных воскресили моё чувство страха и заставили пульс биться в висках. На меня смотрят пять пар черных глаз мутантов, напоминающих волков. Они прижали уши, тянут носами воздух, когтистые лапы расставлены на уровне широкой груди.

Макс ровняется со мной, вскидывает автомат. Его пальцы сжимают приклад, взгляд сосредоточен. Я чувствую, как адреналин обжигает вены, а дыхание становится коротким и частым.

– Не стреляйте, – хрипый голос Сэма рвёт звенящую тишину, – это шавки Вайса.

Он наклоняет голову набок и сплевывает кровь.

Перевожу взгляд с мутантов на Сэма, потом обратно. Мутанты не рычат, не скалятся – просто стоят, изучая нас. Их глаза не горят слепой яростью.

– Шавки Вайса? – переспрашиваю я, не опуская пистолета.

– Да, – Сэм закашливается. – Спасибо твоему папочке... Если бы не эти псы, от меня остались бы только рога, – он смотрит на меня исподлобья.

Мешкаюсь, подыскивая слова. Слишком много всего нужно сказать, а в голове пустота. Криво улыбнувшись, выдавливаю:

– Я рада, что ты жив, Сэм.

Он сверлит меня взглядом:

– Добро пожаловать в семейство мутантос обыкновентус, мисс Кейт Вайс, – голос Сэма хрипый, с привычной язвительной насмешкой.

В этот момент один из волков-мутантов подходит ко мне вплотную и тычется носом в живот. Моё горло стягивает ледяная петля ужаса, ладони вмиг становятся влажными. Я замираю, боясь пошевелиться.

Мутант дергает носом, потом поднимает морду и заглядывает мне в глаза. Хвост медленно виляет из стороны в сторону. Остальные члены стаи бесшумно обходят меня с боков и усаживаются полукругом, наблюдая.

– Приве-е-т... – шепчу я, облизывая пересохшие губы. Сердце колотится в горле. – Ты хочешь, чтобы я тебя погладила?

Волк нетерпеливо переступает с лапы на лапу.

– Ладно, – я прячу пистолет в кобуру, пальцы немного подрагивают. Осторожно протягиваю руку и провожу ладонью по жёсткой шерсти между ушей.

Макс подходит ближе – и в тот же миг волк резко дергается в его сторону, ошетинившись. Рык рвётся из пасти, брыли оголяют острые клыки. Стая подпрыгивает по команде вожака, все разом поворачиваются в сторону Макса.

Он отскакивает назад, выставляет руки вперёд:

– Понял. Держу дистанцию.

Волк возвращается ко мне. Как кошка трётся о бедро, чуть толкает боком, будто просит ещё внимания. Я машинально опускаю руку на его спину, провожу ладонью вдоль хребта – и замираю от неожиданности. Я думала, что твари холодные, мертвые на ощупь, но у этого создания температура тела гораздо выше, чем у собаки. Он горячий – там, где шерсть отсутствует, это очень ощутимо: кожа под пальцами пульсирует, отдаёт теплом, даже жаром.

– Хуерыга, так и будешь на неё пялиться или возьмёшь свою задницу в руки и развяжешь меня? – раздраженно бросает Сэм, прерывая мои размышления.

Макс нехотя идет к нему.

– Была бы моя воля, я бы тебе ещё кляп в рот вставил, – бурчит он, доставая нож.

– Давай шустрой, любитель БДСМ, – Сэм крутит шейю, морщится от боли. – Сегодня я не в форме играть в ролевые игры.

Я ухмыляюсь. Узнаю своего Сэма – такого же дерзкого, неугомонного, несмотря на измождённый вид. Понимаю, что скучала по нему сильнее, чем готова была признать. Видимо, изменения внутри организма слегка притупили чувства – адреналин, стресс, действие антидота... Но сейчас, глядя на его гримасу и слыша эти слова, я чувствую, как они возвращаются ко мне: тепло, облегчение, радость.

Волк, будто уловив мое настроение, снова тычется носом в ладонь. Я глажу его между ушей.

– Поторопись, Макс, – говорю я, не отрывая взгляда от Сэма. – Нам ещё выбираться отсюда. И желательно до темноты.

Мой слух улавливает отдаленный гул – звук вертолётa. Я задираю голову, всматриваюсь в небо сквозь кроны деревьев. Секунда – и я перевожу взгляд на свою мужскую компанию, голос срывается на тревожную ноту:

– Вертолёт. Вы слышите? – чувствую, как глаза округляются от страха, а по спине пробегают холода.

Сэм тяжело встаёт с земли, опирается на дерево, чтобы не потерять равновесие.

– Слышу, – хрипло отвечает он. – Пора свали...

Договорить он не успевает.

Хлопок.

Взрыв раскатистым звуком разносится по округе, ударяет по барабанным перепонкам, заставляет содрогнуться землю под ногами. Я машинально приседаю, зажимаю уши ладонями, втягиваю голову в плечи.

Волки-мутанты одновременно срываются с места. Их силуэты мелькают среди деревьев, они уносятся сквозь лесную чащу в сторону, где только что бабахнуло. Двигаются слаженно и быстро, как будто знают, куда бежать.

Макс подбегает ко мне, берет за плечи, слегка встряхивает:

– Вставай. Сваливаем отсюда.

Сэм старается держаться прямо, но видно, что ему тяжело это дается. Регенерация затянула раны, но пули остались внутри. Я замечаю, как он периодически морщится при каждом шаге.

Придётся резать и доставать их, и эта мысль заставляет меня содрогнуться.

Макс разворачивает меня и тянет за собой за руку. Мы бежим между деревьями, ветки хлещут по лицу. Сэм бежит позади, периодически шипит от боли, но не отстаёт.

– Предчувствую твою истерику, – говорит он, – сразу скажу, что я на 99 процентов уверен, что на вертолете улетел Вайс.

– Твою мать... – выдыхаю я, и внутри всё сжимается, – отец...

– Кейт, всё нормально, – Макс всё так же тянет меня за собой, не сбавляя темпа. – Это был его план.

Он вдруг останавливается, резко разворачивает меня к себе и берёт ладонями мое лицо. Его черные глаза смотрят прямоком мне в душу, в них читается неподдельная уверенность:

– Он жив. Слышишь? Жив.

Тяжелая рука сдергивает его ладони с моего лица. Сэм, несмотря на своё состояние, оказывается рядом мгновенно. Его голос звучит угрожающе:

– Руки не распускай, – отрезает он. – Она моя! Ещё раз коснёшься её – и я оторву тебе их оторву.

И я понимаю, что он действительно может это сделать. Видела это своими глазами.

Макс делает от меня шаг в сторону. Они смотрят друг на друга с вызовом – глаза в глаза, челюсти сжаты, мышцы напряжены. Никто из них не хочет уступить. Воздух сгущается, стоит зажечь спичку – и всё взлетит на воздух. Напряжение можно резать ножом.

– Ты много треплешься, Сэм, – уверенно говорит Макс, – а поступков нет.

Сэмуэль подаётся вперёд, делает полшага навстречу. Я не нахожу ничего лучше, чем встать между ними – буквально втиснуться туда.

– Хватит! – срываюсь на крик. – Сейчас сюда сбегутся твари со всей округи, а вы меряетесь своими... – толкаю Сэма ладонями в грудь, и отпружиниваю спиной в Макса.

– Блять, – Сэм морщится, хватается за простреленное плечо. В его глазах на мгновение мелькает боль, но он тут же берёт себя в руки.

Я даже не извиняюсь. Разворачиваюсь, подбегаю к машине. Дергаю ручку двери.

– Поехали, мать вашу! – бросаю через плечо, оглядываясь на них. – Или вы хотите, чтобы я оставила вас здесь?

– Никак нет, командир, – Макс трусцой подбегает ко мне.

– Что-то новенькое, – Сэм бросает на меня взгляд, вздернув бровь.

Его синие, как океан, глаза изучают меня:

– Ты изменилась.

Поджимаю губы, выдерживаю его взгляд. Внутри всё дрожит – от напряжения, от воспоминаний, от того, что между нами было.

– Да, Сэм, – тихо говорю я, не отводя глаз. – Думаю, мы оба изменились.

Пожимаю плечом:

– Только вот чем для нас с тобой это закончится?

Он молчит несколько секунд. Затем делает шаг вперед, сокращает расстояние до минимума. Его рука ложится на мою талию, уверенно притягивает к себе.

– Время покажет, – шепчет он, наклоняясь ближе. Губы касаются кожи у основания шеи. От этого прикосновения по телу пробегает дрожь. – Как же я по тебе соскучился...

Макс с силой хлопает водительской дверью. Звук отдаётся эхом между деревьями, возвращает нас в реальность.

– Может, оставить вас здесь? – выкрикивает он из салона.

Сэм не отрывает взгляда от моих губ. Голос звучит с лёгкой хрипотцой:

– Зачем он нам? – он проводит пальцем по моим губам. – Давай я убью его, и мы умчим с тобой вдвоём. Я страсть как тебя хочу.

Мои брови взлетают вверх – одновременно от неожиданности и от абсурдности его слов. Я коротко смеюсь, но в этом смехе больше нервозности, чем веселья.

– Сэм, в тебе минимум две пули, а ты думаешь о сексе?

Он не меняется в лице – только его фирменная хищная улыбка становится шире, обнажая зубы.

– Я буду думать о нём даже без головы.

Качаю головой, стараясь не улыбаться – хотя уголки губ предательски подрагивают.

– Макс – мой друг, не трожь его, – твёрдо говорю я, отступая на шаг. Затем открываю дверь машины и бросаю через плечо: – И да, я тоже по тебе соскучилась. Очень.

– Друг... – смакует слово Сэм.

Глава 4

Кузов убаюкивающе поскрипывает в такт неровностям дороги. Сэм устроился на задних сиденьях, свалив все наши припасы в угол. Он делает вид, что спит, но я периодически чувствую на себе его взгляд. Да и дыхание у него совсем не как у спящего.

А вот я бы сейчас с удовольствием ушла к Морфею, хотя бы на пару часов. Зеваю, прикрыв ладонью рот, и невольно потягиваюсь, разминая затекшие плечи. Макс, не отвлекаясь от дороги, бросает на меня короткий взгляд и тихо спрашивает:

– Устала?

– Немного, – отвечаю я, стараясь не выдать, насколько сильно на самом деле вымотана.

– Где-то здесь должен быть лесничий домик, – Макс разминает шею, крутит головой, пытаюсь снять напряжение. – Остановимся на ночевку. Мне тоже пора отдохнуть.

Смотрю вперёд. Кромешная темнота. Свет фар освещает накатанную колею между сосен и деревьев – желтая полоса вырывает из мрака то корявый ствол, то свисающие ветви. Периодически мелькают чьи-то светящиеся в темноте глаза – то ли зверь, то ли что-то похуже.

Чтобы Макс не вырубился от усталости, решаю отвлечь его.

– Ты бывал здесь раньше?

Он кивает, несколько секунд молчит, будто взвешивает слова, затем отвечает:

– Да. Довольно часто.

Так себе ответ, но я продолжаю:

– Как давно ты в корпорации? И вообще, как ты тут оказался? – я внимательно смотрю на его профиль: эмоции не меняются, сосредоточенный усталый взгляд прикован к дороге.

– Похоже на допрос, – его бровь дергается вверх, а губы кривятся в усмешке. – Давай поговорим об этом позже... Когда я придумаю душещипательную историю.

Макс поворачивается ко мне и улыбается:

– Ты меня в чём-то подозреваешь?

Пожимаю плечом:

– Нет. Просто хочется получше тебя узнать.

Он растирает лицо ладонью и говорит:

– Я скучный интроверт, особо нечего тебе рассказать.

Зеваю и сквозь зевок говорю:

– Не скучный. И не поверю, что интроверт.

– Ха! Твой организм считает иначе.

Улыбаюсь, хочу возразить Максиму, но тут Сэм вклинивается в наш разговор. Его голова неожиданно просовывается между передними сиденьями. Он наклоняется вперед, опираясь на спинки.

– Интроверт, когда привал? – хрипло спрашивает он. – Пуля в моем брюхе отчаянно хочет добраться до сердца.

Я резко оборачиваюсь к нему, сердце пропускает удар:

– В смысле?

Сэм чмокает меня в нос и улыбается, хотя в глазах читается боль.

– Клетки регенерируют, организм пытается избавиться от инородного предмета, – спокойно объясняет он, словно читает лекцию. – Мозг посылает сигнал в брюшину, мышцы сжимаются и толкают пулю вверх, – он убирает прядь волос с моего лица, и его пальцы на мгновение задерживаются у виска. – Но в целом всё отлично, ведь ты рядом.

Макс бросает взгляд в зеркало заднего вида, хмурится:

– Ты серьёзно? Почему раньше не сказал?

– А что бы это изменило? – пожимает плечами Сэм. – Ты бы выбрал дорогу по ухаби́стей и колесил по лесу ещё несколько часов, дожидаясь, пока я сдохну?

– Конечно, – Макс кивает вперёд. – Жаль, что поздно сказал об этом. Приехали.

В свете фар показывается маленький домик из сруба. Вокруг него густо посаженный кустарник, ветви которого цепляются за стены, будто пытаются укрыть строение от чужих глаз.

Макс глушит движок. Фары гаснут, и всё погружается во тьму. На мгновение мир становится абсолютно черным, но мое новое зрение неплохо справляется с отсутствием света. Я отчётливо вижу силуэт Макса – он наклоняется ко мне.

Замираю от неожиданности. Его руки скользят по моей ноге – сверху вниз, словно что-то ищут.

Сэм мгновенно реагирует: хватает Макса за куртку и резко дергает на себя.

– Ты совсем охерел? – вспыхивает он между сидений. – Я предупреждал...

– Сэм, отвали! – Макс толкает его локтем, не отрываясь от поисков. – Да где этот чёртов бардачок?

Я наклоняюсь, давлю на кнопку – крышка открывается с тихим щелчком.

– Вот же он.

– Наконец-то... – Макс рыщет рукой внутри, затем торжественно восклицает: – Нашёл!

Он включает фонарик. Яркий луч больно ослепляет глаза, заставляя меня инстинктивно зажмуриться.

– Твою мать, – шиплю, закрывая глаза ладонями.

– Извиняюсь, – бросает Макс через плечо и выходит из машины.

Дверь хлопает. Луч фонарика выхватывает из темноты неровную, заросшую тропинку к дому. Макс светит по сторонам, осматривается.

– Всё чисто, – наконец говорит он. – Но держите нос по ветру.

Сэм тяжело выбирается из машины, облакачивается на дверь и морщится от боли. Я выхожу следом. Холодный сырой воздух цепляется за лицо.

Неподалёку гулко ухаёт сова. Звук отдаётся эхом в ночной тишине.

Поднимаю глаза к небу: оно чистое, усыпано звёздами. На открытом пространстве кажется, что небо гораздо ближе – будто стоит протянуть руку, и вот ты уже держишь звезду в ладони.

Втягиваю в себя воздух, заполняя легкие до отказа. Свежий, с нотками хвои, мха, сырой земли. Удивительно, но трупной вони нет.

«Неужели твари сюда не добрались?» – думаю я, оглядываясь по сторонам.

Макс перекидывает рюкзак через плечо, быстро проходит мимо и подмигивает мне:

– Хватит мерзнуть, пойдёмте в дом.

Замечаю, как он бросает быстрый взгляд на Сэма.

Сэм приобнимает меня за талию, в руках держит рюкзак.

– Давай я понесу, – протягиваю руку к рюкзаку.

Он поднимает брови вверх, в его глазах мелькает привычная насмешка, но она какая-то вымученная:

– Это прямое унижение, – притягивает меня к себе, – иди сюда, мой маленький абьюзер.

Его руки обнимают меня, и я утыкаюсь носом в его грудь. Ткань куртки пахнет дымом, металлом и его собственным запахом, который я так хорошо знаю. Он шепчет тихо, почти неслышно:

– Я не хотел, чтобы ты стала такой, как я. Прости, что не смог тебя защитить.

На мгновение замираю, а потом поднимаю голову, смотрю ему в глаза:

– Ты сделал всё, что мог, – честно отвечаю ему.

Сэм молчит, но его пальцы на моей спине чуть сжимаются, будто он хочет сказать что-то ещё, но не находит слов.

Макс уже стоит у двери домика, ждёт нас. В свете фонаря его силуэт выглядит еще крупнее.

– Кейт, ты всё-таки решила от него избавиться? Он ведь скоро грохнется, а я не собираюсь его тащить на себе.

Макс открывает дверь. Мы подходим и, преодолев пару старых, скрипучих ступенек, оказываемся рядом. Он щёлкает выключателем на стене. Свет внутри загорается. Лампочка мигает пару раз, будто пробуя силы, а потом разгорается ровным жёлтым светом. Макс победно выкрикивает:

– Да будет свет!

Заходим внутрь. Домик словно застыл во времени: у окна – старый деревянный стол с трещиной посередине, три покосившихся стула. Массивная печь в углу, покрытая слоем саж, а рядом аккуратно сложенные дрова. На стенах – полки с пожелтевшими книгами, банками с засохшими травами, какими-то инструментами. Две койки накрыты покрывалами с цветным орнаментом. На полу толстый ковер, но никаких следов борьбы, крови или хаоса. Только тишина и запах старого дерева, смешанный с лёгкой сыростью.

Сэм опирается на дверной косяк, осматривается:

– По крайней мере, тут есть крыша над головой.

Я сажусь на кровать упругие пружины приветственно скрипнули, радуясь гостю после долгого одиночества. Сэм запирает за собой дверь на засов, кладёт рюкзак на стол, перед этим смахнув с него рукой пыль. Макс закидывает дрова в печь и, не оборачиваясь, говорит:

– Кейт, ты как себя чувствуешь?

Прислушиваюсь к своему телу – усталость есть, но ничего критичного.

Пожимаю плечами:

– Всё хорошо.

– Тогда сначала займёмся подранком, а потом тобой.

– Принято, – поднимаюсь, утыкаю руки в бока. – Командуй. Что мне делать?

Макс на корточках поворачивается в мою сторону:

– На столе электрическая печь. Включи ее и поставь греть воду.

Киваю. Подхожу к столу, сдуваю с печки пыль, вставляю вилку в розетку. Красная лампочка индикатора загорается ровным светом. Озираюсь по сторонам, замечаю, что рядом нет ни чайника, ни кастрюли с водой.

– Макс? А где взять воду?

Он не успевает ответить – Сэм открывает крышку бака у стены, нюхает содержимое:

– Не застоялась, – смотрит на Макса. – Тут фильтр?

– Ага, угольный.

Огонь в печи разгорается, бросая теплые отблески на стены.

Сэм снимает кастрюлю, висящую на гвозде, зачерпывает воду из бака, ставит ее на конфорку. А я стою, не зная, куда себя деть.

– А мне что делать? – развожу руки в стороны.

– Стоять и украшать это место, – Сэм улыбается.

– Я бы, лучше украшала его лёжа... – вздыхаю я.

– Теперь будет тепло, – Макс отряхивает ладони от копоти, отходит от горящих дров в печи. Берет рюкзак, бросает взгляд на Сэма и твёрдо произносит:

– Раздевайся и ложись на кровать.

Сэм демонстративно морщится:

– Кейт, ты слышишь, что он мне предлагает?

– Сэм, хватит шуток, – я подхожу ближе, осторожно расстегиваю молнию на его куртке.

– Сейчас не до смеха.

Макс тем временем шуршит за спиной, раскладывает инструменты. Слышу звон стекла, шелест бинтов, и от одной мысли о том, что сейчас предстоит, у меня кровь стынет в жилах.

Помогаю Сэму снять куртку. Он остаётся в одних штанах, и я невольно замираю: весь его торс испачкан засохшей кровью, она смешалась с потом, подчеркивая рельеф мышц. Взгляд невольно задерживается на плече – там, куда вошла пуля, багровый рубец.

Осторожно притрагиваюсь пальцами к коже, провожу по груди, спускаюсь вдоль кубиков пресса. Чувствую, как под моими пальцами пробегает дрожь, вижу, как по коже бегут мурашки. Слышу, как учащается его дыхание, как ускоряется ритм сердца.

Останавливаюсь у второго рубца в районе бока. Поднимаю глаза – и тону в его взгляде. Его глаза – как два океана: глубокие, тёмные, с пляшущими в глубине огоньками – смесью боли, желания и дикости.

Сэм наклоняется ко мне, его губы почти касаются моих. Я тянусь навстречу, забывая обо всём – о ранах, о смерти, о мире за стенами этого домика...

– Кейт, держи, – голос Макса нарушает этот момент, будто специально вырывая нас из хрупкого мгновения.

Отстраняюсь от Сэма, оборачиваюсь. Макс протягивает пелёнку:

– Постели на кровати, не хочу запачкать тут всё кровью.

Сглатываю ком в горле, иду выполнять просьбу. Расстилаю пелёнку, разглаживаю складки. Закрепляю ее липучками.

– Готово. Ложись, Сэм.

Он укладывается на матрас. Макс подтягивает стул, на котором разложено всё необходимое для извлечения пули.

– Возьми спирт и салфетки. Сотри с него кровь.

Киваю. Наливаю спирт на тканевую салфетку – запах бьет в нос, от него слегка закружилась голова, и на мгновение перед глазами поплыло.

Быстрыми, но осторожными движениями тру кожу, убирая пот и кровь. Вижу, как напряжены мышцы Сэма, как он сдерживает дыхание. Понимаю, что нужно как-то успокоить его.

– Всё будет хорошо, – смотрю на него, слегка улыбаясь, стараюсь, чтобы голос звучал уверенно. – Сделаем тебе наркоз, ты уснёшь и ничего не почувствуешь.

– Спешу вас разочаровать, – Макс набирает в шприц какое-то лекарство. – Наркоза нет, лишь седативное.

– Как? – выдыхаю я, и глаза лезут на лоб. – Ты хочешь резать его на живую?!

– Не хочу, но придётся, – Макс смотрит на меня без эмоций. – Я не врач, Кейт, и мы не в госпитале.

Сэм берёт мои пальцы в ладонь, чуть сжимает:

– Всё будет хорошо. Слышишь? Мне не привыкать терпеть боль.

– Это какое-то безумие, – я смотрю в одну точку, пытаюсь унять дрожь в руках.

Макс шелкает пальцами:

– Кейт, посмотри на меня. Я сделаю всё максимально аккуратно. Я знаю, что делать – я вытаскивал пули и раньше. Просто помоги мне. Держи его руку, говори с ним.

– Хорошо, – протяжно выдыхаю через рот.

Макс нащупал вену – игла вошла под кожу, он ловко вводит лекарство. Надевает перчатки и смотрит на Сэма:

– А ты постарайся удержать своего демона и не убить нас.

Сэмуэль немного замаялся, взгляд его стал отстраненным, будто он прислушивался к чему-то внутри себя. Поборов своё эго, хрипло говорит:

– Нечем меня привязать? – глаза скользнули по пространству, осматривая комнату в поисках чего-то, что могло бы помочь. – Я не всегда могу справиться с ним.

– Значит, будешь практиковаться, – Макс берет скальпель в руки. – И практика начнётся прямо сейчас.

Я зажмуриваю глаза, сжимаю ладонь Сэма.

Вдох. Выдох.

«Не раскисать, – мысленно повторяю я. – И не через такое мне пришлось пройти. Прорвёмся».

Открываю глаза и смотрю на Сэма. Он встречает мой взгляд.

– Я с тобой, – шепчу я. – Дыши ровно. Смотри на меня.

Сэм кивает, делает глубокий вдох. Его пальцы сжимают мою руку в ответ.

Макс делает шаг ближе, скальпель блестит в свете лампы.

– Готов? – спрашивает он у Сэма.

– Да, – отвечает тот глухо.

– Начинаю, – произносит Макс и делает первый надрез.

Сэм резко выдыхает, но не издаёт ни звука. Я чувствую, как его мышцы напрягаются, как он борется с собой.

– Ты сильный, – шепчу я, глядя его по лбу. – Ты выдержишь. Я здесь.

Время тянется бесконечно. Макс работает сосредоточенно, его движения точны и осторожны. Я держу Сэма за руку, смотрю ему в глаза и говорю о чём угодно: о том, что зима скоро закончится, о том, как я скучала по нему, о том, что после всего этого мы найдем тихое место у реки и будем проводить там время вдвоем.

Наконец Макс вынимает пулю, бросает её в металлическую миску.

– Тут всё, – говорит он. – Сейчас зашью рану и приступим к самому сложному.

Сэм вытирает ладонью капельки пота со своего лба, улыбается мне:

– Ты молодец.

– Вообще-то я должна тебя хвалить, – пытаюсь улыбнуться ему, но выходит криво.

Макс делает первый стежок на ране. Сэм морщится, облизывает пересохшие губы, его пальцы сжимаются на краю матраса.

– Мне понравилась твоя идея с рекой, – хрипло говорит он, стараясь отвлечься. – Будем купаться голыми и траха...

Макс делает второй стежок. Сэм дергается и сквозь зубы шипит:

– Да, блять, можно как-то понежнее?

– Я тебе что, девица красавица исполняющая сексуальные желания? – Макс хмурится. Он подносит иглу с нитью и делает последний шов, аккуратно завязывая узел.

Макс снимает окровавленные перчатки, кидает их на пол и надевает новые. Наклоняется к боку Сэмуэля, скальпель касается кожи.

– Готов? – Макс смотрит на него исподлобья.

Вижу, как Сэм заметно нервничает. Он сглатывает, и ледяным голосом говорит Макс:

– Если что, выруби меня. Понял?

– С удовольствием, – тихо отвечает Макс, надавливая на скальпель.

Сэм выпускает мою ладонь, хватается обеими руками за край матраса. Пальцы на ногах натягиваются, скулы сжимаются.

– Мужик, я понимаю, что тебе больно, но не напрягай пресс, – Макс поджимает губы, стараясь сосредоточиться. – Это усложняет процесс.

У меня потеют не только ладони – я вся мокрая от напряжения. Подаюсь вперед, беру руками лицо Сэма, заглядываю в его обезумевшие от боли глаза:

– Ты справишься. Я рядом. Держись. Смотри на меня.

Сэмуэль рычит, зубы скрипят, вены на шее вздуваются, глаза наливаются кровью. Его тело дрожит от усилия сдержать крик.

– Не могу! – выкрикивает он, голос срывается.

– Кейт, возьми на столе флакон с транквилизатором, набери пять кубиков. Живей! – командует Макс, не отрываясь от работы.

Подбегаю к столу, хватаю пузырёк. Пальцы дрожат, с трудом открываю крышку, набираю нужное количество. Руки трясутся, но я стараюсь действовать быстро. Возвращаюсь к Сэму, протягиваю Макс: шприц.

– Коли, – звучит голос Макса.

Выпучиваю глаза, дергаю головой из стороны в сторону – паника накрывает.

– Я не умею!

– Учись, – пожимает плечами Макс. Его руки согнуты в локтях, белые перчатки все в крови. На лбу блестит бисер пота, капли скатываются по виску.

Сэм издает низкий, грудной звук, почти звериный рык, и резко подстегивает меня:

– Твою мать, Кейт, да уколи уже эту чертову херню! Давай, соберись!

– Куда? – я обращаюсь к Макс.

Он на пару секунд замолкает, бросает на меня быстрый взгляд:

– В руку.

Хватаю спиртовую салфетку. Наспех обрабатываю кожу на руке Сэма. Закусываю губу до крови, делаю глубокий вдох, собираю всю волю в кулак и резко ввожу иглу в бицепс. Нажимаю на поршень – жидкость мгновенно оказывается в теле Сэма.

– Готово, – шепчу я, выдыхая с таким облегчением, что чуть не падаю.
– Молодец, – Макс склоняется над Сэмом. – А теперь отойди от него.
Я хмурюсь:

– Почему?
– Кейт, пожалуйста, отойди от него, – настаивает Макс.
– Нет, – отрезаю я твёрдо, не собираясь отступить.
– Дьявол, – тихо шепчет Макс, качая головой.

Беру руку Сэма, подношу к губам и легко касаюсь ими его ладони. Его глаза закрыты, дыхание частое, прерывистое – он борется с болью, с тем, что рвётся наружу.

– Терпи, мужик, – говорит Макс и запускает пальцы вглубь разреза, стараясь достать пулю.

Сэм распахивает глаза – в них дикая ярость и животная боль. Он резко хватается за горло и сжимает с такой силой, что мир перед глазами начинает темнеть, я чуть ли не сразу теряю сознание.

На его лице – выражение дикого зверя, который попал в капкан и пытается отбиться от охотников, причинивших ему боль. Я чувствую, как пальцы Сэма сжимаются сильнее, воздух перестает поступать в легкие.

– Сэм, – хриплю я.

Кулак Макса прилетает Сэму в лицо с одной стороны. Голова резко дёргается в сторону, хватка на моем горле ослабевает – я отпрыгиваю назад, цепляюсь за стул и падаю на пол.

Сэм пытается подняться, мышцы напряжены, в глазах бушует ярость. Макс тут же бьёт его с другой стороны – точный, выверенный удар. Наконец Сэм отключается, его тело обмякает.

Макс мгновенно подлетает ко мне, хватается за грудки и резко поднимает, ставя на ноги. Его лицо искажено тревогой и гневом:

– Я же просил тебя! Что ты за человек такой, Кейт? – он выдыхает, плечи опускаются.
– А если бы он убил тебя?

Трогаю себя за горло – на удивление, повязка даже не слетела, держится крепко. Смотрю в его взволнованные чёрные глаза.

– Тебе разве не всё равно? – тихо задаю вопрос, голос звучит хрипло после пережитого.
– Ведь ты просто выполняешь задание моего отца, верно?

Он прищуривается, смотрит на меня долго. Затем так же тихо отвечает:

– Дурочка ты, – качает головой. – Ничего так и не поняла...

– О чём ты? – шепчу я, не отрывая взгляда.

Макс отстраняется, быстро подходит к Сэму, склоняется над ним, проверяет пульс:

– Давай закончим с ним. Нужна твоя помощь.

Я делаю пару шагов. Горло пульсирует болью – каждый вдох отдаётся неприятным покалыванием, но я стараюсь не обращать на это внимания.

– Раздвинь края раны, – Макс указывает на разрез.

Медлю, собираюсь с силами. В голове мелькает мысль: «А если я сделаю хуже?».

– Шустрей, – подгоняет Макс, слегка повышая голос. – Не знаю, насколько хватит моего нокаута. Сэм может очнуться в любой момент.

Беру себя в руки. Глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю и сосредотачиваюсь на задаче. Осторожно развожу края кожи в стороны – кровь струёй вытекает из раны, тёплая, липкая. Я сжимаю челюсти, но не отвожу взгляда.

Макс вводит внутрь всю кисть и буквально наощупь ищет злосчастную пулю. Его лицо напряжено, брови сведены к переносице, на лбу выступают капли пота. Проходит около минуты – кажется, что целая вечность, – прежде чем звучит победное:

– Есть!

Макс вертит в пальцах патрон, разглядывает его с каким-то замороженным удовлетворением.

Шумно выдыхаю, чувствуя, как напряжение покидает тело:

– Мы молодцы.

– Отлично сработали, – кивает Макс, аккуратно кладёт пулю на стул рядом. – Зашью его и займусь тобой. Мы отступили от графика в инструкции. Тебе уже давно пора колоть лекарства.

Глава 5

Сэм мирно посапывает. Я сижу на стуле напротив печки. Дрова приятно потрескивают. Домик наполнился запахом костра – терпким ароматом сосновых поленьев, дымом, который не раздражает, а успокаивает.

Макс стоит напротив меня. Ему пришлось снять водолазку: она напрочь пропиталась потом и теперь сохнет около печки. На атлетичном теле – лишь черные штаны.

Голый торс невольно притягивает мой взгляд: мышцы играют под кожей при каждом движении. Отблески огня подчеркивают сильные, мужские черты лица – резкие скулы, линию подбородка, сосредоточенный взгляд.

Он тщательно обрабатывает руки антисептиком.

А я откровенно пялюсь на него. Пытаюсь отвести взгляд – и не могу.

Он подходит ближе, осторожно касается моей шеи – и бархатным голосом говорит:

– Ты меня смущаешь. Не смотри так на меня.

Мысленно смахиваю с себя наваждение, заставляю себя сосредоточиться.

– Я просто никогда не видела волосатых мужиков, – выдаю я, и сама удивляюсь, насколько легко срываются с языка эти слова.

Но при этом я сказала ему чистую правду. Мне действительно не доводилось так близко видеть мужчин с волосатым торсом. Почему-то все, кого я видела раньше, не имели растительности на теле.

– Серьёзно? – Макс вскидывает брови.

– Абсолютно, – киваю я, стараясь не отвести взгляд.

– А я, грешным делом, подумал, что ты мысленно посягнула на мою честь, – он иронично ухмыляется. – Такой хищный взгляд...

Тыкаю его пальцем в живот – он сокращается от неожиданности.

– Если бы я хотела посягнуть на твою честь, то посягнула бы и не только мысленно.

Слышу, как его сердце стало биться чаще. Он взъерошивает волосы на голове, и этот жест делает его вдруг удивительно милым.

– Хватит этих развратных бесед, – резко говорит он, берёт ножницы и режет мою повязку.

Он так близко ко мне, что я чувствую запах его тела – смесь пота и чего-то ещё, притягательного, мужского. И отвратительно то, что этот запах нравится мне до боли внизу живота. Моё дыхание учащается, пульс отдаётся в висках.

– Не бойся, – шепчет он возле моего лица, и от этого шёпота мурашки табуном несутся по коже. – Мне нужно только подцепить край.

Знал бы ты, Макс, что я дрожу совсем не от страха... Меня рвёт изнутри желание вцепиться в него – не убить, нет. А слиться с ним в единое целое. Что-то внутри меня кричит: «Это твоё. Возьми его».

Видимо, я схожу с ума. Рядом на кровати лежит Сэм, его ровное дыхание напоминает о том, что мы здесь не одни. А я вместо того, чтобы волноваться за него, сижу и пускаю слюни по волосатому, «вонючему» мужику.

Ну, не вонючему, если честно. От него исходит волшебный аромат – не парфюм, нет. Это что-то на тонком молекулярном уровне. Может, феромоны?

– Удивительно, – Макс наконец снимает повязку с моей многострадальной шеи и тут же проводит пальцами по коже. От этого я слегка выгибаюсь и, выпучив глаза, замираю на мгновение.

Он не заметил или просто сделал вид, что не заметил моей реакции.

– Что там? – выдавливаю слова сквозь пересохшее горло, стараясь говорить ровно.

– Небольшой шрам от пореза и синяки от пальцев этого *мудилы*, – отвечает Макс, внимательно осматривая кожу.

Откидываюсь на спинку стула и с блаженным облегчением двумя руками чешу кожу – она так свербила под повязкой, что терпеть больше не было сил.

– Может, хватит? – Макс наносит мазь на сбитые костяшки. – Раздерешь ведь в кровь.

– Плевать. Ты не представляешь, какой это кайф, – я продолжаю чесать шею, закрывая глаза от удовольствия.

Макс подходит к столу, снимает с плиты подогретое консервированное мясо. Аромат жареного мяса с пряностями разносится по комнате, смешиваясь с запахом костра. Мой желудок призывно урчит – я вдруг осознаю, насколько голодна.

– Давай поедим. На голодный желудок, лучше не колоть сильнодействующие препараты, – говорит он, ставя передо мной тарелку.

– Ты такой заботливый, – разворачиваюсь к столу, стараясь скрыть улыбку. – И кому такая красота достанется?

– Никому. Постригусь в монахи, – он двигает ко мне тарелку, слегка усмехаясь. – Ешь давай.

Оторвав кусок лепёшки, он кладет его возле меня. Я открываю рот, чтобы продолжить свои колкости, но Макс меня останавливает:

– Молча! Давай спокойно поедим, – закидывает кусок мяса в рот. – Я очень голодный и очень уставший.

Откусываю кусок лепёшки и с набитым ртом вклиниваюсь в его монолог:

– Ты сказал «молча», а сам болтаешь не замолкая.

Он выставляет передо мной ладони:

– Пару. Минут. Тишины.

Я смеюсь, чувствуя, как напряжение последних часов постепенно уходит. Мы едим в тишине – только треск дров в печи, сопение Сэма и редкие звуки столовых приборов нарушают покой.

Закончив ужин, Макс хлопает себя по коленям и, довольно потянувшись, говорит:

– Ну что, мисс Кейт, готовьте свою пятую точку.

Он откупоривает пузырьки с прозрачной жидкостью. Я морщусь, понимая, что мне предстоит сделать парочку дырок в заднице.

– А это обязательно? Я отлично себя чувствую.

Поршень затягивает лекарство в шприц. Макс сосредоточенно смотрит на деления, аккуратно отсчитывая нужную дозу.

– Мне было достаточно одного твоего приступа, – вытаскивает иглу из флакона и смотрит на меня прямо, без улыбки. – Я чуть не поседел. Лучше подстраховаться. Вдруг тебя накроет, пока я буду спать.

В его голосе слышится не показная забота, а искреннее беспокойство.

– Ты прав, – тяжело вздыхаю, встаю и поворачиваюсь к нему спиной. – Перспектива захлебнуться собственной слюной так себе.

Вспоминаю те болевые ощущения, которые испытывала, и ту беспомощность, когда ты не имеешь власти над своим телом. В памяти всплывают судороги, потеря контроля, липкий страх – и я решаю не сопротивляться. Лучше укол, чем снова пережить это.

Ставлю одно колено на стул, второй ногой упираюсь в пол для устойчивости. Макс подходит сзади – в руке два шприца.

– У меня складывается впечатление, что тебе нравится надо мной издеваться, – говорю ему с легкой иронией и отодвигаю край брюк. Руками упираюсь на спинку стула, стараюсь не напрягать мышцы.

Макс протирает мою кожу влажной салфеткой.

– А у меня складывается ощущение, что я нянька в детском саду, – бормочет он.

Скрип половиц доносится до слуха. Не успеваю повернуться, как громкий голос Сэма разносится по комнате:

– Какого хрена тут происходит?!

Макс, ещё не успевший воткнуть иглу, резко разворачивается – в этот миг Сэм налетает на него. Они падают на пол с грохотом. Шприцы улетают куда-то под стол, звякая о деревянный пол.

Сэм сидит сверху Макса, наносит удар в лицо – резкий, хлесткий. Второй удар следует почти сразу, в скулу.

– Сэм, ты с ума сошёл?! – ору я, подбегаю и тяну его назад за плечи. – Оставь его!

Он оборачивается ко мне с бешеными глазами – зрачки расширены, на лбу вздулась вена. Что-то хочет сказать, но в этот момент Макс скидывает его с себя сильным ударом справа. Наваливается сверху, удерживает за руки, вдавливая в пол.

– Успокойся! – выкрикивает ему в лицо. – Приди в себя, Сэм!

– Приди в себя... – хрипло повторяет Сэм, лёжа на полу. Его дыхание прерывистое, голос дрожит от ярости. – Ты загнул раком мою женщину и говоришь мне успокоиться?

– Я дел... – начинает Макс, но не успевает договорить.

Сэм бьет его головой в лицо, Макс резко отпускает его руку и хватается за нос. Кровь проступает между пальцами. Сэм пинает его в живот – Макс сгибается, но тут же перехватывает ногу Сэма, резко дёргает на себя.

На полу – возня: они катаются, матерятся, хватают друг друга за одежду. Слышится тяжелое дыхание, глухие удары, скрип половиц.

Я застываю на мгновение, потом бросаюсь к ним:

– Хватит! – кричу, пытаюсь оттащить Сэма. – Вы что, с ума посходили?!

И тут оно возвращается – это знакомое покалывание, будто тысячи крошечных муравьев бегут по коже.

Сначала кончики пальцев, затем, волна разрядов, пробегающая по мышцам, словно электрический ток. В ушах нарастает писк – не просто звук, а какая-то всепроникающая вибрация, заглушающая мир.

Я хочу крикнуть: «Прекратите! Сэм, ты неправильно понял!», но язык онемел. Он лежит во рту, как кусок ваты, неподвластный мне.

Зрение сужается, превращаясь в тоннель – стены комнаты плывут, кружатся, перед глазами вспыхивают цветные разводы.

Падаю на пол, как мешок с костями, безвольным грузом. Судорога вытягивает тело дугой – мышцы напрягаются до предела, позвоночник изгибается. В этот миг мир сжимается до одной точки боли.

Вторая волна еще сильнее. Сдавленный крик вырывается из горла.

Тело бьётся, мышцы сводит, пена течет по щекам.

А потом – темнота. Не просто отсутствие света, а какая-то мягкая, обволакивающая пустота. Боль уходит, растворяется, оставляя после себя невесомость. Сознание ускользает. Только тишина. И покой.

Глава 6

Чувствую запах бензина. Он пробивается сквозь дремоту и заставляет сознание медленно всплывать на поверхность.

Меня мерно покачивает в такт скрипу амортизаторов, будто я в лодке на тихой волне. Приоткрываю один глаз – свет режет по сетчатке, но картинка постепенно фокусируется.

Я лежу на заднем сидении. Спина упирается в жесткую обивку, под щекой – прохладная кожа сиденья.

Макс за рулем. Сэм рядом, на пассажирском сидении: они смотрят вперёд, в лобовое стекло, лица напряженные, скулы сжаты. Оба молчат.

В голове промелькает мысль: «Слава богу, все живы».

Пытаюсь вспомнить, что было до этого: вспышка боли, судороги, темнота...

И все.

Видимо, они перенесли меня в машину, пока я была без сознания.

Медленно сажусь, опираясь на спинку переднего сиденья. Макс бросает взгляд в зеркало заднего вида – наши глаза встречаются.

– Очнулась? – в его голосе слышится облегчение.

– Да, – хрипло отвечаю я.

Горло пересохло, во рту привкус металла.

Лицо Макса украшает синяк под глазом – темный, с фиолетовым отливом. Перегородка носа припухла и побагровела, на губах тонкая корка запекшейся крови. Кулаки сбиты.

Сэм оборачивается – он не менее «красивый». Благодаря регенерации повреждения на нём менее выражены, но всё равно заметно: под левым глазом – лёгкий отёк, на скуле – краснота, пальцы тоже сбиты, хотя уже начали заживать. Видно, что бой между ними был серьёзный, без оглядки на последствия.

Он протягивает мне бутылку с водой. Пару секунд молчит, разглядывая свои руки. Затем тихо произносит:

– Прости. Не знаю, что на меня нашло.

Откручиваю крышку, жадно пью воду.

Сэм продолжает смотреть на меня тяжелым взглядом.

А я не знаю, что ему ответить.

К Макс у меня нет претензий: он лишь защищался, как защищается любое живое существо, когда на него нападают.

В памяти всё ещё стоит тот образ – Сэм с диким взглядом, с кулаками, готовыми ударить кого угодно, *даже меня*. От этой мысли в районе солнечного сплетения неприятно жжет. Неужели я ошиблась с выбором спутника? Или это просто вспышка, которую можно погасить?

– Знаешь, Сэм, – откидываюсь на спинку сидения, закрываю глаза на мгновение, собираясь с мыслями, – я прощаю, но... Контролируй свои эмоции. Иначе однажды они могут привести к краху.

Он молчит, а я продолжаю, чеканя каждое слово:

– Рукоприкладства я не прощаю. Это табу.

Сэм вдыхает. Он отворачивается к окну.

– Я перегнул, – отвечает он через несколько секунд. – Признаю.

– Ты чуть не задушил меня, – я наклоняюсь вперёд. – Ты набросился на Макса, хотя он помогал мне.

Вижу, как его скулы напрягаются, жилы на шее вздуваются. Он сжимает и разжимает кулаки, будто борется с самим собой. В его глазах мелькает отголосок той ярости, что охватила его недавно.

– Кейт, хватит, – холодно бросает он. – До базы осталось около получаса. Приедем и поговорим наедине.

– Чего? – я подаюсь вперёд, смотрю на дорогу и вижу знакомые места. – Как? Как мы так быстро доехали?

Макс отвечает спокойно, не отрывая взгляда от дороги:

– Как-как... Ты спала всю дорогу, пуская слюни, – он мельком смотрит на меня в зеркало заднего вида. – Выспалась хоть?

– Да, – тру лоб ладонью, чувствую, как затекли мышцы после долгого сна в неудобной позе. – Останови. Хочу размяться.

– Потерпеть никак? – бросает Макс, поглядывая в зеркало.

– Макс, тебе прямо сказать?

– Конечно.

– Мне нужно пописать!

– Так бы сразу и сказала, – он хмыкает, кивает и плавно поворачивает руль.

Машина сворачивает на стоянку возле уже знакомого мне супермаркета с вывеской «Равен».

Покидаем машину.

Воздух сразу бьет по рецепторам – резкий, гнилостный, совсем не похожий на чистый лесной. Он пропитан запахом разложения, въедается в нос, заставляет морщиться и дышать через раз.

На площадке перед нами – разложившиеся трупы, жуткие и обглоданные. Ветер подхватывает обрывки бумаг и пластиковые пакеты, гоняет их по закоулкам, швыряет в стены, будто пытается замести следы катастрофы.

– Наконец-то, – Макс прогибает спину, упираясь руками в поясницу, громко хрустит позвонками. – Задницу вообще не чувствую.

– Не скули, – Сэм вальяжно облокачивается спиной на капот, пинает носком ботинка валяющуюся рядом жестяную банку. Та катится по асфальту, звякает о бордюр.

Я оглядываюсь по сторонам, оценивая варианты. Слева – полуразрушенная автобусная остановка, но она на виду. Справа – свалка мусора, но там может прятаться кто угодно. Впереди – только разбитые витрины магазинов.

Сэм замечает мои колебания, выпрямляется и кивает в сторону машины:

– Даже не думай отходить от меня. Зайди за машину – я прослежу, чтобы кроме меня за тобой никто не подсматривал.

Закатываю глаза, – но всё же решаю поступить по его совету. Хватит с меня похищений и приключений.

Быстро огибаю машину, делаю свои дела, попутно прислушиваясь к звукам вокруг: ветер шуршит мусором, где-то вдалеке скрипит вывеска, Макс что-то бормочет себе под нос, копаясь под капотом.

В голове крутятся мысли: теперь осталось доставить груз. Найти Николаса. Решить, останемся мы в Мроке или будем искать новое убежище.

Возвращаюсь к Сэму. Макс жуёт сухую корку хлеба, запивает водой.

– Приятного аппетита, – кидаю на него взгляд вскользь.

Он кивает, попутно стряхивает крошки с груди.

Подхожу к Сэму, останавливаюсь напротив него, машинально поправляю воротник его куртки.

– Как самочувствие? – решаю всё же поинтересоваться. – Болит?

Сэмуэль смотрит на меня сверху вниз, слегка опустив голову. Его взгляд такой, будто в нём уместилась вся усталость мира.

– Душа болит, а тело... На теле всё зажило как на собаке, – отвечает он тихо.

– Кто виновен в твоей душевной боли? – спрашиваю я, стараясь не выдать тревоги в голосе.

– Самый страшный враг, – он делает паузу, смотрит куда-то вдаль. – Я.

Хмурюсь, пытаюсь понять, что он имеет в виду. Обычно Сэм говорит прямо, а иногда даже слишком прямо. Сейчас – какие-то поэтические загадки.

– Ты можешь разделить со мной свою боль, – касаюсь пальцем его лица и мягко поворачиваю к себе.

– Тебе достаточно своей, – шепчет он. – Я бы с радостью забрал её у тебя без остатка.

Его взгляд скользит мимо меня, теряется где-то вдали, среди развалин этого мира.

– Между нами что-то не так, да, Сэм? – спрашиваю шепотом.

Он вздрагивает – еле уловимо, но я чувствую это движение всем существом.

Теперь я понимаю: не только я гасну. Сэм тоже отдаляется – медленно, незаметно, но, верно. Как река, которая меняет русло, оставляя за собой высохшее дно. От этой мысли становится горько. Неужели после всех испытаний, после всех битв, которые мы прошли вместе, всё сойдёт на нет? Может, нам просто нужен отдых? Разговор в ночи, без спешки и страха. И тогда всё наладится. Всё станет как прежде...

Но он не отвечает. Вместо этого поднимает глаза к небу:

– Как думаешь, насколько сильно Мэгги будет визжать, когда увидит меня?

Сердце падает в пятки. Он не знает. Он думает, что Мэгги ждёт его в Мроке.

А я... я не знаю, где она. Не знаю, жива ли. Слова застревают в горле – я должна сказать правду. Но страх парализует: вдруг эта новость сломает его окончательно? Вдруг он снова потеряет контроль, и тогда...

– Может, поищем беруши? – кривая улыбка растягивает губы. – Визгу будет много.

Его взгляд меняется – он смотрит на меня с подозрением. Он почувствовал, что я вру. В воздухе повисает напряжение, как электрический разряд перед грозой.

Хруст ветки раздаётся из-за машины. Я вздрагиваю, выхватываю пистолет из кобуры, резко разворачиваюсь и направляю дуло в лоб мужчине, оказавшемуся передо мной.

Старик лет семидесяти, в длинном сером пальто, на плечах чёрный рюкзак. Его помутневшие от возраста глаза изучают мое лицо. Седые брови сходятся на переносице. В его взгляде читается не страх, а скорее любопытство.

Ещё бы. Ведь сейчас я больше похожа на монстра, чем на человека. Эти черные узоры вен по всему телу, ярко-зелёные глаза, которые практически светятся при дневном свете.

– Убери оружие, деточка, – говорит он тихо, без тени угрозы. – Я не враг.

Замираю, пальцы на спусковом крючке чуть расслабляются. Сэм подходит ближе, настороженно разглядывает незнакомца.

Макс обходит меня с другой стороны и пальцем опускает мой ствол вниз.

– Дед, ты выбрал не то время, чтобы появляться как черт из табакерки, – Сэм встает чуть передо мной, загораживая от старика. – Мы люди нервные, палец дрогнет на курке – и все праотцы будут встречать тебя с караваем.

Старик улыбается, сверкает металлическими коронками.

– Внучек, мне уже давно туда пора, да всё никак.

– Ты один? – Сэм не спускает глаз с деда.

– Уже давно, – с грустью произносит дед, и его плечи чуть опускаются.

– Поедем с нами? – неожиданно для меня спрашивает его Макс.

Старик приободрился, в глазах вспыхивает искорка:

– Куда путь держите?

– В Мрок, – продолжает беседу Макс.

– О-о-о, – тянет старик, и улыбка сползает с его лица. – Мрока нет.

– Как? – вступаю я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Старик пожимает худыми плечами, его взгляд становится отстраненным:

– Может, газ рванул, кто знает... Но теперь там бродят нелюди.

– Твою мать! – Сэм резко разворачивается и прыгает в машину. – Поехали!

– Бывай, – Макс слегка сжимает плечо деда.

– И вам не хворать, – тихо просипел дед, глядя нам вслед.

Быстро грузимся в машину. Я бросаю последний взгляд в зеркало заднего вида: старик стоит на том же месте, ветер треплет полы его длинного пальто. Он кажется таким маленьким и одиноким на фоне этого мира.

Двигатель рычит, колёса пробуксовывают, и мы срываемся в путь.

В салоне повисает тяжелое молчание.

Глава 7

Мы подъезжаем к Мроку – городу, который еще недавно казался неприступной крепостью. Но теперь картина перед нами вызывает ледящее чувство тревоги: надёжные ворота, которые, когда-то оберегали жителей, лежат искаженным, искореженным металлом на земле. Обугленные балки, торчащие прутья арматуры, следы копоти на камнях – всё это говорит о мощном взрыве.

Макс притормаживает внедорожник, выдыхает и высовывается из окна. Шуруется, внимательно изучает обломки.

– Это точно не газ, – произносит он, хмуря брови. – Взрывчатка. Возможно, тротил. Смотри, какой радиус разброса – заряд был серьезный.

– Кто мог это сделать? – шепчу скорее сама у себя.

– Кто угодно, – коротко бросает Сэм, не оборачиваясь. – Может, кто-то решил захватить территорию.

– И поэтому взорвали ворота? – Макс поворачивается к Сэму, в его взгляде читается скепсис. – Нелогично.

Сэмуэль лишь слегка пожимает плечами. Его лицо остаётся невозмутимым, но я замечаю, как напряжены его плечи.

Макс бросает быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

– Куда дальше?

– Езжай прямо. Нам нужно в госпиталь, – отвечаю я.

Машина едет дальше. В груди зарождается тревога – тяжёлая, давящая, как свинцовый груз. Сначала я боялась сюда ехать из-за моей тайны касаясь отношений с Рикардо: что, если кто-то расскажет? А теперь я боюсь, что мой брат погиб. Если бы с ним было всё в порядке, он бы не отсиживался здесь, а рванул бы в корпорацию спасать меня из рук чокнутых ученых.

Да ещё это враньё про Мэгги... Ложь, которая повисла между нами, как ядовитый туман. Каждый раз, когда Сэм смотрит на меня, я чувствую колючую вину.

О небеса... Я устала от всего этого. Как же хочется покоя, передышки от какофонии бед и забот. Как же хочется хотя бы мгновения тишины, где нет угроз, нет лжи, нет страха. Просто остановиться, закрыть глаза и не думать ни о чём. Но нельзя.

Оглядываюсь по сторонам – картина ужасающая. Тела погибших сложены кучами друг на друга. Кто-то явно сделал это намеренно: аккуратные штабеля, словно кто-то считал, сколько их тут.

Асфальт покрыт черными лужами крови. Она успела загустеть, покрыться корочкой, кое-где потрескавшейся, обнажающей вязкую массу под ней. Рядом, в нескольких шагах, разбросаны куски внутренних органов – фрагменты человеческой плоти, которые уже не принадлежат никому.

Следы пуль испещрили фасады зданий, в некоторых выбиты окна, стекла валяются осколками на тротуаре.

Тишина давит на уши. Ни криков, ни стонов – только ветер шевелит обрывки одежды на сложенных телах, создавая иллюзию движения там, где его быть не должно.

Вдали – столб дыма, густой, чёрный, поднимающийся вертикально. Всматриваюсь, прищуриваясь. Несколько мужчин стоят перед огромной ямой. Из ямы торчат конечности: ноги в ботинках, руки с растопыренными пальцами, головы с открытыми ртами. Огонь лижет края ямы, пожирает останки, оставляя после себя обугленные кости и пепел.

– Твою мать... – выдыхаю я.

– Есть выжившие – уже хорошо, – тихо говорит Макс.

– Сэм, ты видишь среди них Ника? – ерзаю по сиденью, вытягиваю шею, выглядываю вперёд, вглядываясь в толпу людей у ямы.

– Нет, – коротко отвечает Сэм, прищуриваясь. Он внимательно изучает группу людей, сканирует лица. – Но людей кто-то сподвиг выйти и работать. Чтобы перепуганный народ пошёл на это, этот кто-то должен быть с яйцами.

– Николас, – шепчу я. – Только он способен на это. Он лидер, который знает что делать даже в аду.

Удар о капот. Макс жмет на тормоза – колеса визжат. Тело по инерции летит вперед, но Сэм ловит меня, крепко обхватывает за плечи, не давая воткнуться головой в приборную панель.

– Вот и твари появились, – шипит Макс, беря автомат в руки.

Перед машиной – четверо инфицированных в чёрной форме базы. У одного нет лица: на его месте – желтая кость черепа и вывалившийся наружу язык. Он крутится на месте, не понимая, где находится добыча, издает хриплые, булькающие звуки. У остальных – погрызенные конечности, в некоторых местах жилы свисают вместе с кожей. Обнаженные кости зияют через дыры рваной одежды. Они щелкают челюстями, бьют по железу грязными синими руками, царапают капот ногтями.

Сэм потирает ладони с хищной ухмылкой:

– Ну наконец-то повеселимся! – распахивает дверь и выскакивает наружу одним плавным движением.

Беру пистолет и выхожу следом. Пальцы крепко сжимают рукоять.

Макс вскидывает автомат. Тварь рыпается на него с приличной скоростью – рваный прыжок, руки вытянуты, челюсти щелкают.

Выстрел.

Фонтан тёмных мозгов, и труп падает навзничь.

Беру на мушку следующего – он уже приближается, хрипит, из пасти капает черная слюна. Но Сэм вклинивается и мешает мне сделать выстрел. Он хватается нежить за голову и с размаху бьёт об угол бампера.

Хруст черепа – словно раскололи орех. Мозги с противным хлопом выпали из треснувшего черепа на асфальт.

Макс подстреливает следующего.

Мне ничего не остается, как просто наблюдать.

Сэм обхватывает голову очередного инфицированного, резко поворачивает её в сторону – позвонки хрустят с мерзким сухим звуком.

Глаза Сэма горят неподдельным удовольствием. В них – азарт, восторг, как у хищника, который наконец-то вышел на охоту после долгого ожидания. Маньяк занимается своим любимым делом:

– Из меня бы вышел отличный костоправ, – он демонически улыбается.

Я чувствую, как внутри начинает пробуждаться и мой демон. Он ворочается, тянется к поверхности, шепчет: «Давай, присоединяйся. Это же так весело – поддаться инстинкту, выпустить наружу ярость». Но я усыпляю его всеми силами. Сжимаю кулаки до боли, дышу глубже, заставляя себя оставаться в реальности. Не хочу показывать его никому. Пусть спит.

Сэм с лёгкостью отрывает голову твари. Тело падает с высоты собственного роста, глухо ударяется о землю. От удара кровь из шеи брызгает мне на штаны.

– Чёрт, – я отшатываюсь назад.

Сэмуэль швыряет голову о стену. Кость разлетается на осколки, сгустки мозгов прилипают к кирпичам, стекают вниз.

Макс хмуро смотрит на Сэма:

– Ты как одержимый.

– Эффектное появление – мое кредо, – Сэм вытирает руки о штаны.

Я молчу. Внутри всё ещё шевелится тот самый демон – он недоволен, что я его сдерживаю. Но я знаю: если дать ему волю сейчас, он может не остановиться.

Мужчины около ямы смотрят, разинув рты, – их взгляды мечутся между нами и разбро-
санными телами тварей.

Сэм вскидывает руку, небрежно машет:

– Салют, парни. Мы тут немного наследили. Приберитесь по-братски.

Госпиталь буквально метрах в двадцати от нас. Я в нетерпении делаю пару шагов вперёд, вспоминаю про холодильник с кровью. Выкрикиваю впереди стоящим:

– Ребя! Мистер Поинт у себя?

Один из мужчин выходит вперёд – высокий, в потрепанной форме, с шрамом на щеке. Он окидывает меня внимательным взглядом, будто сканирует, вспоминает:

– Приветствую, мисс Вайс. У себя. А где Рик?

Тело прошибает током. Ладони мгновенно становятся липкими, дыхание сбивается. Ну вот зачем именно сейчас задавать эти вопросы? И почему именно тот, кто меня запомнил, остался жив...

– Все вопросы потом, – спасает меня Макс, делая шаг вперед и заслоняя меня собой. – У нас важное задание.

Солдат пожимает плечами, чуть склоняет голову:

– Потом так потом.

Бросаю взгляд на Макса, коротко киваю – он в ответ подмигивает. В этот момент я остро ощущаю, как Сэмуэль сверлит нас взглядом.

– Макс, берите с Сэмом холодильник, нужно доставить этот чёртов груз адресату, – отдаю распоряжение деловым тоном.

– Люблю, когда женщины командуют, – Макс улыбается, глаза заблестели.

Он открывает дверь машины и ныряет в салон, с хрустом отстегивает крепления холо-
дильника.

– А я нет, – Сэм смотрит на меня исподлобья чужим взглядом.

– Дыши, Сэм, – холодно говорю ему. – Мне не нравится твой взгляд.

– Как давно он перестал тебе нравиться? – скрестив руки на груди, ледяным тоном спрашивает он.

– Когда ты начал вести себя как мудака, – выплевываю слова, стараясь не выдать, как больно мне их произносить. Разворачиваюсь и иду к входу больницы, ускоряя шаг, будто это поможет убежать от разговора.

Макс кряхтит, таща за мной следом холодильник:

– Мило поболтали.

– Макс, заткнись, – резко бросаю я, не оборачиваясь.

– А на меня-то за что рычишь? – искренне удивляется он.

– Ещё одно слово, и я тебя укушу! – резко оборачиваюсь к нему.

Дергаю на себя дверь, пропускаю его вперед. Макс слегка ведет бровью, на секунду задерживается на пороге, потом заговорщицки говорит:

– Пустые угрозы. Я грязный и воняю, забыла? – и проходит вперед.

Сэм останавливается у порога, жестом – нарочито галантным, приглашает пройти меня первой. Его лицо искажено гримасой, будто он только что съел килограмм самых кислых лимонов.

Проскальзываю внутрь. Убегая от его взгляда.

Макс уже возле стойки регистратуры.

За стойкой – никого.

Коридор тянется вперед – длинный, мрачный, на стенах плакаты о правилах гигиены и первой помощи.

Чем ближе к кабинету Поинта, тем чаще бьётся моё сердце. Оно колотится в груди, как птица в клетке, пытающаяся вырваться на свободу. Ладони становятся влажными, дыхание – прерывистым, мысли путаются.

Хочу как можно скорее добраться туда и узнать, где мой брат. Где Ник. Что с ним? Жив ли он?

Глава 8

Забыв все манеры, толкаю дверь. Она, издав противный скрип, открывается, выпустив на волю застоявшийся воздух. Он пахнет бумагами, пылью, лекарствами и старческим телом.

Переступаю порог кабинета.

Меня встречают уставшие глаза, обрамленные черными кругами. Щеки доктора впали, кожа бледно-желтая, почти восковая. Он сидит за столом, сгорбившись, пальцы лежат на столешнице – тонкие, с набухшими венами. На лице – следы бессонных ночей и груза ответственности.

– Здравствуйте, мистер Поинт, – говорю и быстро подхожу ближе к его столу.

Мэтью Поинт надевает очки – линзы мутноватые, с царапинами. Его руки слегка дрожат, когда он поправляет оправу.

– Кейт? – он с трудом поднимается со стула, скрипящего под его весом. – Я уже и не надеялся вновь тебя увидеть.

Старик протягивает мне руку. Я пожимаю ее – ладонь ледяная, костлявая.

– Док, отец поручил кое-что передать вам, – оборачиваюсь к Макс, который стоит у двери с холодильником в руках. – Макс, поставь груз на стол.

Макс кивает, подходит и, насколько это возможно аккуратно, опускает холодильник на стол. Раздаётся глухой стук металла о дерево, несколько папок съезжают в сторону.

Доктор переводит взгляд с холодильника на меня.

– А где сам Фредерик?

Чётко помню, что отец написал в письме – говорить о том, что он уладит дела и приедет. Решаю действовать по его плану. Он всегда просчитывает всё на тысячу шагов вперед, и раз он посчитал это важным, значит, это действительно играет роль.

Смотрю старику в глаза. Совершенно спокойно отвечаю:

– У Фреда остались незавершённые дела. Он велел передать вам, что, как только всё уладит, вернётся в Мрок.

Доктор Поинт на секунду замирает. Его пальцы, лежащие на столе, слегка сжимаются. Он переводит взгляд с меня на холодильник, потом снова на меня.

– Значит, он жив? – уточняет он, и в его голосе проскальзывает облегчение.

– Да, – киваю я. – Жив.

Позади раздается звон стекла. Резко оборачиваюсь на звук. Сэм держит в пальцах часть от какой-то колбы.

– Оно само, – он быстро возвращает кусок стекла на место, при этом грациозно перепрыгивает то, что осталось от неё на полу, и выходит из кабинета, будто ничего не произошло.

– Простите, – оборачиваюсь к доктору. – Мистер Поинт, вы знаете, где Николас?

Мэтью садится на стул. Тяжело вздохнув, он проводит ладонью по седым волосам и говорит:

– Где-то тут бегают, мне, старику, за ним не угнаться, – он устало улыбается, и в этой улыбке читается и гордость за чью-то неумную энергию, и грусть от собственной немощи.

Волна расслабляющего тепла прокатывается по моему телу, накрывая эйфорией облегчения – словно тяжёлый камень, давивший на плечи, вдруг рассыпался в пыль. Я поднимаю глаза к потолку, складываю руки перед собой, чувствуя, как напряжение покидает каждую мышцу:

– Спасибо!

Макс толкает меня локтем мягко, по-дружески. На его лице светится обаятельная улыбка, в глазах – озорные искорки:

– Как в индийском кино: воссоединение семейства. Джими-Джими, Ача-Ача! Родинки будете сравнивать?

Не выдержав переполняющих меня эмоций, я встаю на носочки и играючи кусаю его в районе бицепса. Макс тут же подыгрывает мне: по-детски отпрыгивает в сторону, преувеличенно морщится и потирает место укуса, приговаривая:

– Ай, ну и зверюга же ты!

Щурюсь, стараясь выглядеть грозно, но уголки губ сами ползут вверх:

– Я тебя предупреждала!

Улыбаюсь – внутри разливается такое чистое, светлое облегчение, что хочется рассмеяться в голос. Мне не терпится скорее найти Николаса, обнять его, услышать его голос.

Поинт потирает переносицу, смотрит на меня внимательно, изучающе.

– Деточка, давно ты мутировала? Как чувствуешь себя?

Глупо что-то скрывать от доктора. Он явно в курсе всего, ведь он знает, для чего ему привезли кровь и что с ней делать. По крайней мере, так написал Фредерик.

– Пару дней, – делаю паузу, прислушиваюсь к своим ощущениям. – Сейчас чувствую себя отлично.

Макс вклинивается, усаживаясь на стул:

– Но у неё были приступы. Уже дважды. И, док, это выглядит ужасно...

– Знаю, молодой человек, – доктор кивает. – У её брата тоже были припадки.

Сердце делает кульбит. Мир на секунду теряет четкость, звуки приглушаются, будто я оказалась под водой.

– Что? – подаюсь чуть вперёд, глаза лезут из орбит. – Николас... Но как?

– Он не рассказывает, – старик делает глоток из кружки.

Доктор переводит взгляд на Макса:

– Здоровяк, как тебе удалось справиться с ними двумя? Ник нас заставил попотеть, прежде чем пришёл в себя. Некоторые лишились головы...

Макс пожимает плечом, откидывается на спинку стула, расслабленно скрещивает руки на груди.

– С Кейт проблем не было, – он переводит на меня взгляд. – Если не считать приступов, то она вполне адекватно себя ведёт. А вот маньячелло...

Сэм облокачивается о дверной косяк – поза расслабленная, но в глазах сверкает сталь. Он перебивает ровным, жёстким голосом:

– Ещё слово – и маньячелло будет караулить тебя в тёмном переулке.

Макс нарочито испуганно выставляет перед собой руки:

– Боюсь, боюсь.

– Хватит вам, – небрежно отмахиваюсь рукой, переводя взгляд с Макса на Сэма.
Поинт обращается к Сэму, попутно кладёт перед собой лист бумаги и берёт шариковую ручку – та слегка скрипит, когда он проверяет, пишет ли.

– Молодой человек, как вас зовут?

– Сэмуэль Равен, – отвечает Сэм ровным, бесстрастным голосом.
Доктор опускает глаза к листу, начинает делать запись.

– А вы, Сэмуэль, как давно получили антидот?

Сэм задумывается. Тишина затягивается примерно на минуту – слышно только тиканье старых настенных часов и далекий гул вентиляции. Он смотрит в сторону, будто пытается выудить ответ из воздуха.

– Несколько недель назад, – наконец отвечает он.

Меня утомили эти разговоры. Ноги буквально зудят от желания сорваться с места и побежать на поиски брата.

– Мистер Поинт, мне нужно идти! – я резко разворачиваюсь. – Если вам нужна какая-то помощь, парни могут остаться с вами...

– Я пойду с тобой, – отрезает Сэм. – А бугай пусть остаётся.

Макс молча показывает ему средний палец. Сэм рывком бросается вперёд, но я успеваю встать между ними – упираюсь ладонями ему в грудь и с силой толкаю к выходу. Сэм недовольно фыркает, но поддаётся – задом переступает порог кабинета, сверля Макса взглядом.

– Макса будет достаточно! – доктор поднимает руку, прерывая назревающую стычку. – Вы оба, как освободитесь, зайдите ко мне. Мне нужно вас обследовать.

Я оборачиваюсь к Поинту:

– Мы должны прийти вместе?

– Лучше по отдельности, – доктор не отрываясь от бумаг, быстро что-то записывает.

– Так будет продуктивнее.

Глава 9

Быстрым шагом идем по безлюдному коридору. Ботинки скрипят на полированном полу. Сэм идет позади меня, его шаги тяжелее, размереннее.

– Где же он может быть? – говорю в никуда, скорее себе, чем Сэму.

– Стой, – резко бросает Сэм и открывает дверь, на которой написано: «Хирург Олли В.». Он заглядывает внутрь, придерживая дверь рукой:

– Приветствую. Подскажите, где может находиться Николас Вайс? Оттуда раздается мужской голос – гундосый, слегка писклявый:

– Он должен быть на процедурах. Прямо по коридору и налево.

– Благодарю, – Сэм прикрывает за собой дверь. Я удивленно смотрю на него:

– Откуда ты узнал, что там кто-то есть?

Сэмуэль смотрит на меня сверху вниз – взгляд спокойный, чуть насмешливый:

– В отличие от тебя, я пользуюсь тем, чем наградила меня эта дрянь, которая течет в моих венах.

Сэм резко притягивает меня к себе и жадно впивается в губы. От неожиданности я вздрагиваю и пытаюсь отстраниться, но он не отпускает – лишь сильнее прижимает меня. На мгновение замираю в нерешительности, а потом сдаюсь и отвечаю на поцелуй, обвивая его шею руками. Чувствую, как наше дыхание смешивается, а его сердце развивает скорость в унисон с моим. Учащенный ритм отдаётся в висках.

– Не сейчас, – шепчу ему в губы, с трудом отрываясь.

Он приподнимает пальцем мой подбородок, прожигая меня взглядом – в нём буря: страсть, нетерпение, похоть.

Сэм ничего не говорит, лишь смотрит в глаза, будто пытается прочесть мои мысли. Медленно, неохотно выпускает меня из своих объятий. Его руки скользят по моим бедрам, сжимают их, прежде чем отпустить.

– Пойдём скорее, – тяну его за руку. – Нам нужно найти Николаса.

Он кивает, делает глубокий вдох, выравнивает дыхание.

– Да, – хрипло отвечает. – Пора уже закончить с этим.

Бегу вприпрыжку до конца коридора. Сердце колотится в такт каждому прыжку. Слышу, как Сэм тихо смеётся позади.

– Так, нам налево, – заворачиваю за угол, дыхание сбивается от волнения.

На двери – табличка «Процедурная».

Медленно втягиваю воздух в лёгкие, стараясь унять дрожь в руках, и так же медленно выдыхаю. Внутри всё дрожит от нетерпения, каждая клеточка тела кричит: «Он там!»

Толкаю дверь – она беззвучно открывается.

Сначала мои глаза встречаются с молодой блондинкой. Она замерла со шприцем в руках, голубые глаза с интересом изучают меня.

– Аиша, ты кого там увидела? – голос Николаса раздаётся из-за угла.

– Ник! – вскрикиваю, и влетаю внутрь, не дожидаясь ответа.

Николас сидит на кушетке, ноги свисают. Когда он видит меня, глаза загораются, он вскакивает:

– Кейт!

И уже через секунду мы обнимаемся так крепко, что, кажется, ни одна сила в мире не сможет нас разлучить. Николас резко притягивает меня к себе, ладонь ложится на затылок, он целует в макушку – коротко, но с такой силой чувств, что у меня перехватывает дыхание. Я чувствую тепло его тела, родной запах.

Заглядываю в зелёный омут его глаз – они горят от эмоций.

– Я так волновалась за тебя, Ник, – шепчу с придыханием.

Он слегка хмурится. Тыльной стороной ладони проводит по моему лицу.

– Это он сделал? – голос звучит глухо.

– Кого ты имеешь в виду?

– Фред?

– Отец спас меня, – я сглатываю. – Рик пытался меня убить, но... Фред успел вовремя.

Николас резко стискивает зубы – слышу отчетливый скрип. Вена на лбу вздувается, зрачки расширяются.

– Чёрт, – рычит он низким голосом. – Как же я мог ошибиться... Что сейчас с этим ублюдком?

– Мёртв, – отвечаю коротко.

– Что с тобой делали в корпорации и как к ней был причастен Рик?

Шумно выдыхаю, отступаю на шаг:

– Это долгая история... Давай я расскажу её чуть позже. Мне нужно отдохнуть.

– Да, конечно, – он тут же берёт себя в руки, кивает. – Извини. Эта ярость... Не всегда мне подвластна.

Я лишь киваю ему. Прекрасно понимая его.

Ник переводит взгляд за моё плечо:

– Рад видеть тебя, Сэм.

– Взаимно, Ник, – Сэм делает шаг вперед, протягивает руку. Николас пожимает её – крепко, по-мужски.

Они несколько секунд молча держат взгляд друг на друге. Николас первым нарушает тишину, и в его голосе звучит холодная сталь:

– Ты был там. Почему не уберег Кейт от этой дряни? Ведь ты один из первых прочувствовал на себе *все прелести антидота*.

Теперь слышен скрип зубов Сэмуэля.

Он медленно делает пару шагов к нам, останавливается возле тумбы. Пальцем покачивает высокий стакан с водой – тот едва заметно дрожит.

– Знаешь, Николас, – произносит он негромко, – я задам тебе встречный вопрос: где Мэгги? – звериные, голубые глаза исподлобья сверлят Ника.

Я перебираю воздух пальцами. Моя щека уже вся изгрызена изнутри.

Николас никак не меняется в лице. Ритм сердца остается ровным.

Из нас четверых только я и Аиша заметно нервничаем, чувствуя наэлектризованное напряжение в комнате.

Сейчас эти двое похожи на двух хищников: ещё немного – и они начнут ходить по кругу, оценивая друг друга, примериваясь к смертельному броску.

Но если я сейчас вмешаюсь, то сделаю только хуже. Спровоцирую нападение кого-то из них.

– Мне жаль, Сэм, но твоя сестра мертва, – спокойно отвечает Николас.

Меня от кончиков пальцев до мозга прошибает током. Воздух сгущается, становится колючим – я с трудом втягиваю его в легкие.

Сэм напрягается всем телом, его челюсти сжимаются так, что на щеках проступают желваки. Он смотрит оцепеневшим взглядом в одну точку.

– Как это произошло? – голос Сэма звучит глухо и безжизненно.

– Прости, брат, я не знаю. Когда я встретил её, она уже была... зараженной. Я избавил её от мучений.

– Чёрт! – взрывается Сэм.

Стакан летит в стену – разлетается на сотни осколков с резким, звенящим звуком.

Блондинка вскрикивает и вжимается в стену, прикрывая голову руками.

Я подаюсь к Сэму вперёд, инстинктивно протягиваю руку:

– Сэм, мне жаль...

Он не обращает на меня внимания. Вместо этого вплотную подходит к Нику, нос к носу.

Его трясёт от злости – мышцы дрожат, кулаки сжаты так, что костяшки белеют. Он цедит сквозь зубы, с трудом сдерживая ярость:

– Я, в отличие от тебя, спас твою сестру. А ты мою просрал! Засунь свои претензии поглубже в задницу и благодари судьбу, что я не привез тебе её труп!

Сэм резко разворачивается и со всей силы несколько раз бьёт кулаком в стену. Штукатурка сыплется на пол, а на стене остаются кровавые пятна. Капли крови стекают по побелке.

Он тяжело дышит, грудь ходит ходуном.

Николас не двигается с места. Его лицо остается непроницаемым.

– Сэм! – хватаю его за рукав, пальцы вцепляются в ткань.

Он резко оборачивается ко мне – глаза горят яростью, лицо искажено. Рыча, выплевывает слова:

– Не вздумай идти за мной! – резко дергает руку, и выскакивает прочь.

– Подожди! – я делаю рывок вперед, уже собираюсь побежать за ним.

– Остановись! – Николас хватается за меня под локоть. – Ему нужно пережить эмоции и остыть.

– Ему нужна поддержка! – я пытаюсь вырваться, но Ник держит крепко.

– Это опасно. И он, понимая это, ушёл. Сейчас он на взводе – может натворить глупостей. Отпускаю руку, обхватываю голову ладонями. Пальцы впиваются в волосы.

– Мэгги... Как же так, – шепчу я. – Бедная моя Мэг.

– Иди ко мне, – Ник притягивает меня к себе, обнимает за плечи. – В этой катастрофе потери, увы, неизбежны. Главное – *ты жива*. А остальное переживём. Вместе.

– Николас, позвольте прервать вашу беседу, – голос Аиши звучит неожиданно близко. Она хлопает глазами. – Я так и не поставила тебе укол.

– Да, сейчас, – Ник слегка отстраняется, проводит ладонью по моей спине. – Кейт, познакомься: это Аиша, моя... моя спасительница.

Аиша улыбается искренне. Голубые глаза заблестели, будто солнечные лучи отразились в водной глади океана.

– Приятно познакомиться! – она протягивает мне руку.

Я бросаю быстрый взгляд на Ника – он смотрит на Аишу с благодарностью, нежностью. В груди тут же колет ревность – маленькая, но острая.

– Привет, – отвечаю я сухо, пожимая ее ладонь.

Повисает неловкое молчание.

Чувствую себя неудобно – будто я здесь лишняя.

– Я пойду, – слегка сжимаю плечо Николаса, чуть задерживаю пальцы. – Буду ждать тебя дома.

Ник кивает, на лице – искренняя улыбка:

– Как же я счастлив, что ты со мной.

– Вот ты где! – Макс врывается в комнату без стука. – А я всю больницу поднял вверх дном!

Теперь моя очередь знакомить:

– Ник, это Макс. Макс, это Николас.

– Ну, привет, Макс, – Николас крепко жмёт ему руку, взгляд – цепкий, оценивающий. Он сканирует нового человека, ищет слабые места и проверяет реакцию.

– Привет, – Макс не теряется.

Лезет во внутренний карман куртки, достаёт плотный конверт с печатью. – Вот, держи. Это тебе послание от мистера Вайса.

Дыхание Ника учащается – заметно, как вздымается грудь. Он сглатывает, брови сходятся к переносице, лицо каменеет:

– Что там?

– Это под грифом «секретно», – Макс разводит руки в стороны. – Велено передать лично тебе в руки.

Меня распирает от любопытства так, что зубы непроизвольно сжимаются. Но я понимаю: сейчас, при всех, мне ничего не расскажут. Решаю сменить тему:

– Ник, Макса нужно, где-то расположить. Я подумала... Если домик Бэна уцелел, может, позволишь ему там обосноваться?

Николас резко трёт ладонями лицо и тихо выдыхает:

– Бэн, дружище... Как же тебя не хватает.

В сердце остро защемило. Нам всем его не хватает. Я вспоминаю, как он смеялся, как всегда, находил слова, чтобы подбодрить.

Вдруг Аиша шустро приспускает край штанов Николаса – три пары глаз следят за каждым ее движением. Она, как ни в чём небывало, протерает спиртовой салфеткой кожу, втыкает иглу в ягодицу и, довольная своей работой, поднимает на нас взгляд:

– Что? Препарат нельзя долго держать без холодильника, а вы всё болтаете и болтаете, – она отмахивается от нас рукой, выбрасывает салфетку в урну.

Показушно закатываю глаза.

Она меня раздражает даже не знаю чем. Может, я действительно ревную брата к ней? Когда я успела стать такой собственницей? Если этот взгляд Николаса означает *то, что я думаю*, то придётся смириться с присутствием этой белобрысой.

– Спасибо, Аиша, – мягко говорит Ник, поправляя штаны.

Аиша тепло ему улыбается.

– Это моя работа. – она бросает на него быстрый взгляд. Начинает сметать осколки с пола. Я наблюдаю за её движениями.

Слишком внимательная. Слишком старательная. Слишком... милая.

– Ник, так что скажешь по поводу домика? – говорю брату, вырывая его и себя из задумчивости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.